

КОЛЛЕКЦИЯ РАССКАЗОВ

РОДЖЕР ЖЕЛАЗНЫ

Врата

1
том

Роджер Желязны
Врата. Коллекция
рассказов. Том 1
Серия «Fanzon. Миры
Роджера Желязны. Полное
собрание рассказов», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74015147

*Врата. Первый том:
ISBN 978-5-04-247809-3*

Аннотация

Первый том полного собрания рассказов Роджера Желязны, в который вошли ранние произведения автора – с начала карьеры до середины 1960-х годов. Этот том показывает писателя в период дерзких экспериментов, благодаря которым сформировался его уникальный голос.

Тексты в этом собрании сопровождаются комментариями редакторов, а также словами самого Желязны – фрагментами из его многочисленных эссе, где писатель рассказывает, как он создавал те или иные произведения и какими воспринимал их спустя годы. Также в состав тома входит первая часть биографии Роджера Желязны.

Содержание

Предисловие составителей	5
Из ниоткуда	7
Прежде Амбера	15
Рассказы и повести	32
Роза для Екклесиаста	32
I	32
II	55
III	71
IV	87
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Роджер Желязны

Врата

Первый том

Roger Zelazny

THE COLLECTED STORIES

THRESHOLD

Vol. 1

Copyright © 2009 by Amber Ltd. LLC

“Out of Nowhere” © 2009 by Agberg, Ltd.

“Before Amber” © 2009 by Carl B. Yoke

“‘...And Call Me Roger’: The Literary Life of Roger Zelazny,

Part 1”

and story notes © 2009 by Christopher S. Kovacs, MD

Frontispiece Portrait © 1972 by Jack Gaughan

Dust jacket illustration © 2009 by Michael Whelan

(www.MichaelWhelan.com)

© Р. Демидов, перевод на русский язык, 2026

© Н. Караев, перевод на русский язык, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Предисловие составителей

Данное шеститомное собрание включает в себя всю известную малую прозу и поэзию Желязны, три фрагмента знаковых романов, подборку эссе и несколько редкостей.

Многие рассказы и стихотворения сопровождаются разделом «Слово Желязны», в котором автор размышляет о предшествующей работе. Также многие из них сопровождаются примечаниями, в которых разъясняются имена, литературные аллюзии и редкие слова. Хотя вы, несомненно, получите удовольствие от творчества Желязны и без примечаний, они помогут даже опытному читателю открыть для себя новые слои в его работах.

Моим намерением уже долгое время было писать истории, которые можно воспринимать на множестве уровней, от простых до сложных. Я считаю, что они должны приносить удовольствие просто как истории... даже тем, кто не может распознать ни одной аллюзии.

(Роджер Желязны, цитируется по книге Джейн М. Линдсколд «Роджер Желязны»)

После названия каждого произведения мелким шрифтом дается информация о первой публикации (дата и источник) в случае издававшихся работ и (иногда приблизительная) дата написания в случае неиздававшихся. Также мелким шрифтом могут даваться имя соавтора, альтернативные названия

работ и полученные ими премии. Рассказы, входящие в циклы, отмечены значком §, за которым следует название цикла или имя главного героя.

Дэвид Д. Граббс, Кристофер Ковач, Энн Кримминс

Из ниоткуда

Роберт Силверберг

Он возник из ниоткуда. Ему самому, должно быть, так не казалось, но так определенно казалось мне: блестящий новый писатель со странной фамилией внезапно наполнил пресные фантастические журналы начала шестидесятых поразительными, незабываемыми рассказами, совершенно не похожими на то, что кто-либо (даже Брэдбери, даже Старджон, даже Фриц Лейбер) публиковал в этих журналах прежде.

Впервые читатели фантастики столкнулись с творчеством Роджера Желязны в 1962 году, в августовском номере *Fantastic* – непримечательного и давно забытого журнала, платившего по пенни за слово. Это был рассказ длиной всего в восемь сотен слов, назывался он «Всадник!», и вот как доселе неизвестный двадцатипятилетний автор его начал:

Когда он был громом в холмах, селяне видели жатвенные сны за закрытыми ставнями. Когда он был лавиной стали, скот начал мычать – скорбно, глубоко, – а дети расплакались во сне.

Он был сотрясающим землю стуком копыт, его броня – темной скатертью с россыпью украденных с ночного неба серебряных монет, когда селяне проснулись с осколками странных снов в головах. Они бросились к

окнам и распахнули ставни.

И он въехал на узкие улочки, и никто не мог разглядеть его глаз за забралом шлема.

Этот текст поет, поет вычурно. Метафоры кувыркаются друг через друга: «когда он был громом в холмах», и «когда он был лавиной стали», и «он был сотрясающим землю стуком копыт», и «его броня – темной скатертью с россыпью серебряных монет, украденных с ночного неба». Когда ему хочется, построение предложений становится идиосинкратическим: «видели жатвенные сны», маленький окказионализм, в подобных которому мы очень скоро научились узнавать фирменный прием Желязны. Все здесь ярко и броско, все яростно живет, все романтично и эмоционально, и мы с головой погружаемся в странную, драматичную, фантастическую ситуацию, мгновенно переносящую нас в мир сэра Ланселота, а может, Шахерезады. В первых же строках своего первого опубликованного рассказа Желязны объявил о своем присутствии среди нас и продемонстрировал нам, каким он будет писателем.

В том же месяце появился и второй рассказ, «Мистерия», уместившийся, как и первый, всего на двух страницах на этот раз августовского номера *Amazing Stories*, столь же посредственного собрата журнала *Fantastic*. Начало его написано в совершенно иной, но не менее желязновской манере:

В конце сезона печалей настает пора ликования.
Весна, точно хорошо смазанные часы, бесшумно

отмечает это время. Скучных дней серости и влаги становится все меньше, а дни яркого света и прохладного воздуха возвращаются в календарь. И это хорошо, что сырые времена остаются позади, ибо из-за них наши механизмы ржавеют и корродируют; они требуют самого строгого соблюдения норм гигиены.

Здесь мы видим Желязны – поэта в прозе: обратите внимание на ритмичность и певучесть этого первого предложения: «В конце сезона печалей настает пора ликования». И здесь же присутствует Желязны – лукавый шутник, который сообщает нам, что роботам, дабы избежать ржавчины и коррозии, требуется «самое строгое соблюдение норм гигиены».

Общее впечатление от «Мистерии» более тихое, не настолько фантастическое, как от рассказа «Всадник!». Манера более холодная, сдержанная, куда менее склонная к риторической эффектности. Желязны дает нам сравнения вместо метафор; он дает нам научно-фантастические образы – уязвимую для ржавчины машинерию – вместо средневековых селян и закованного в броню чужака из первого рассказа. В этом абзаце есть сила, в нем есть парящая индивидуальность видения. По прошествии времени в обоих рассказах очевидна рука Желязны, однако в рамках своего невеликого объема они достигают совершенно разного эффекта.

Пришлось бы очень внимательно изучить эти два крошечных рассказика, когда они были опубликованы впервые, чтобы понять, что они возвещают о появлении в наших ря-

дах мастера прозаической техники и образцового рассказчика. Сомневаюсь, что многие пришли к такому заключению на основании всего двух небольших текстов, хотя Сил Голдсмит, инициативный редактор, принявшая их к публикации в *Amazing* и *Fantastic*, наверняка была довольна своей находкой. (В 1962 году она напечатала еще две небольшие вещицы Желязны: «Наставники спустились на колесе огня» в *Fantastic* и «Безлуние в Византии» в *Amazing*.) Но постепенно, в течение следующего года, Желязны дал нам понять, что это именно так, опубликовав в двух журналах Голдсмит еще около десятка рассказов, один из которых, «И девять звездолетов ждут», своим названием сообщил тем, кто в курсе, что его автор изучал якобинскую драматургию; а затем, на случай, если кто-то еще не заметил, он опубликовал свою первую классическую работу – «Розу для Екклесиаста» – в ноябрьском номере *The Magazine of Fantasy & Science Fiction* за 1963 год. Вот ее заметили все. Она была номинирована на премию «Хьюго» («Небьюлы» тогда еще не существовало). Джудит Меррил отобрала ее для своей антологии «Лучшая научная фантастика года». А несколько лет спустя она вошла в число двадцати пяти выдающихся рассказов, включенных в первый том «Зала славы научной фантастики» (*The Science Fiction Hall of Fame*), авторитетной антологии Ассоциации американских писателей-фантастов, заняв шестое место в списке лучших рассказов всех времен, составленном по итогам голосования членов ассоциации. Она была единственной

представительницей современной фантастики в книге, в основном состоявшей из классики тридцатых и сороковых годов и не включавшей в себя больше ни одного рассказа, напечатанного после 1956 года. С тех пор «Розу» переиздавали бесчисленное количество раз.

(Стоит отметить, что «Роза», как стало известно десять лет спустя, на самом деле была написана где-то за год до первых профессиональных публикаций рассказов Желязны. Его друг Томас Монтелеоне в своей магистерской работе 1973 года, посвященной творчеству Желязны, сообщил, что тот не сразу предложил ее к изданию, потому что думал, будто недостаточная научность сделает ее мишенью для критических насмешек. Так что это был не внезапный скачок на новый уровень мастерства; автор всех этих крошечных рассказиков, печатавшихся в *Amazing* и *Fantastic*, с самого начала был способен на такие значительные произведения.)

После «Розы для Екклесиаста» игнорировать его присутствие стало невозможно. В 1964 году – отягощенном для молодого писателя множеством личных неудач – он напечатал лишь одну выдающуюся работу, «Сердце – кладбище», зато 1965-й принес с собой лавину блистательных повестей и романов – «Придающий форму», «Двери лица его, пламенники пасти его», «...И зовите меня Конрад» и множество, множество других – снискавших ему невероятное признание и, в конечном итоге, целую полку премий «Хьюго» и «Небьюла». (В 1966 году, когда появилась «Небьюла», Же-

Лязны ушел с церемонии с двумя из пяти врученных наград, за «Придающего форму» как за лучшую повесть и за «Двери лица его...» как за лучшую короткую повесть. Ему не исполнилось еще и тридцати.) Казалось, будто он повсюду, и его работы нельзя было назвать иначе, нежели поразительными. К тому времени, когда его опубликованный в 1967 году роман «Князь Света» завоевал «Хьюго», лишь на волосок разминувшись с «Небьюлой», Желязны уже причисляли к мастерам жанра. Не думаю, что хоть кого-то из писателей того времени, за возможным исключением столь же оригинального и одаренного Сэмюэла Р. Дилэни, с таким же рвением обсуждали и анализировали коллеги. Ни один здравомыслящий человек и подумать не мог изучать работы Желязны с намерением их имитировать, поскольку голос его был настолько уникален, что любой, кто позаимствовал бы его метод, сумел бы выдать в лучшем случае пастиш. Однако его реактивная повествовательная манера, а также сила и изощренность его стилистики заслуживали внимательного прочтения всеми, кто надеялся оставаться в курсе происходившего в то захватывающее, экспериментальное время.

За последующие десятилетия он издал целый ряд романов – «Остров мертвых», «Долина проклятий», «Сегодня мы выбираем лица», «Порождения света и тьмы» и другие, включая популярный многотомный Амберский цикл. Несмотря на это, он продолжал время от времени писать рассказы и повести и снова и снова, почти до самого конца своей карье-

ры, завоевывать «Хьюго» и «Небьюлы» за лучшие из них – в общей сложности на момент его смерти в возрасте 58 лет в 1995 году на счету этого потрясаяще талантливое, любимого и оплакиваемого мастера научной фантастики и фэнтези было три «Небьюлы» и шесть «Хьюго».

Смерть Роджера вызвала сильнейшее ощущение потери у всех, кто читал его книги или был его другом. Я принадлежал к обеим этим группам. Как читатель и коллега, я всегда буду помнить впечатление, произведенное и теми ранними выдающимися рассказами, и более поздними его вещами, опубликованными в последующие десятилетия. Поэтому я скучаю по автору «Розы для Екклесиаста», «Кладбища сердца», «...И зовите меня Конрад» и всех прочих чудесных историй, остро осознавая, что мы так и не узнаем, какие еще чудеса изобретательности зрели в его плодородном уме.

Но также он был и моим другом, и даже теперь, спустя столько лет после его смерти, мне больно понимать, что я никогда больше не услышу его тихий голос, не увижу эту лукавую улыбочку. Пятьдесят восемь лет – слишком ранний возраст для смерти, особенно такого энергичного, бодрого, полного жизни и творческой энергии человека, которым до конца оставался Роджер. Я дружил с ним тридцать лет и надеялся продружить еще тридцать, но теперь этому не бывать. За все эти три десятка лет я ни разу не слышал от него ни о ком дурного слова. (Равно как не слышал ни от кого дурного слова *о нем*.) Он был спокойным, мягким человеком, че-

ловеком большого терпения, великого благодушия и теплой доброжелательности; я усвоил это на собственном опыте после того, как чрезвычайно пунктуальный Роберт Силверберг дважды на час опоздал на обед с ним во время двух разных визитов в Санта-Фе, где Роджер жил с 1975 года. Для каждого опоздания была своя дурацкая причина, в одном случае связанная с перепутанными часовыми поясами, а в другом – со сломанными наручными часами. И каждый раз Роджер встречал мое опоздание с юмором и обаянием, как будто мои постоянные часовые опоздания на обед – это неотъемлемое свойство вселенной, и причин возмущаться ими существует не больше, чем открытием, что вода не может течь вверх по склону. Это было для него совершенно типично. Вне всякого сомнения, в его жизни случались и моменты гнева; но свидетелем их я не был ни разу.

Роджер был радостным человеком во всех смыслах этого слова. Это ощущение заразительной радости проглядывает во многих историях, собранных в этой книге. Этот многотомник – памятник ему. Я бы, конечно, предпочел, чтобы он до сих пор был жив, а памятник подождал; но вселенная не предоставляет нам выбора в таких вопросах, и мы должны быть рады хотя бы тому, что Роджер Желязны провел среди нас эти пятьдесят восемь лет и оставил после себя это яркое собрание историй, которое будет услаждать нас без конца.

Прежде Амбера

Карл Б. Йоук

Я метнул камень в солнце, садящееся в озеро Эри, и мы начали считать. Двадцать один, два, три, четыре, пять, шесть – а потом камень булькнул и ушел под оранжевую стеклянистую воду.

– Черт, – сказал я и посмотрел на него.

– Не так хорошо, как мои тридцать два, – поддразнил он меня.

– Я тебя еще догоню.

– Ни за что.

Видеть в сгущающейся темноте было трудно, однако мы твердо решили найти еще камней для игры в «блинчики», поэтому он двинулся по пляжу в одну сторону, а я в другую. Хороших нам попало немного, потому что мы уже провели здесь полчаса.

Пляж был замусорен пустыми пивными бутылками, плавником, старыми крышками, пеплом от костров, мертвыми рыбами и использованными презервативами. А еще на нем была куча шуток, которые мы не могли опознать и не собирались брать в руки.

Я отбросил ногой от ветки что-то похожее на оторванный от белой юбки лоскут и увидел кусок серого сланца. «Слиш-

ком хорошо, чтобы быть правдой», — подумал я. Он был идеален — обточен до гладкости волнами озера Эри, нужной мне толщины и дюйма три в диаметре. Я взял его, обтер о штанину джинсов и несколько раз взвесил в ладони, примериваясь к броску.

И тут я услышал:

— Йоук! Йоук! Иди сюда!

Я обернулся. Роджер стоял где-то в тридцати футах от меня и махал рукой.

— Смотри, что я нашел!

В темноте я не мог разглядеть почти ничего и поэтому подбежал к нему.

— Ты только посмотри на это! — начал он, тыча пальцем в разлагающуюся рыбу длиной дюймов десять. Она была безглаза и покрыта песком, и по ней бегали насекомые.

— Она подошла бы идеально, — сказал он с широкой улыбкой. — Вместо тех двух малявок.

Я рассмеялся. Я знал, что он имеет в виду. Он тоже засмеялся, а я повернулся и метнул свой камень в закат. Камень скакал, как обожравшийся сладостей шестиклассник, и я пожалел, что не начал считать «блинчики» с самого начала, потому что он проделал очень долгий путь.

Но это уже не имело значения; мы успели увлечься чем-то другим. Мы заново переживали последние несколько дней девятого класса в средней школе Шор. Мы планировали сделать так, чтобы в классной комнате на втором этаже восточ-

ного крыла возникла жуткая вонь. Она не выветрится оттуда большую часть лета – дведохлые рыбы в одной из «навечно» закрытых парт это гарантируют; «подарочек» с пляжа в конце 222-й Восточной улицы для мистера Уилсона. Это была его классная комната, и мы намеревались с ним посчитаться.

Начало этому плану положил случай, когда Роджер, сидевший на первом ряду на уроке истории, который вел мистер Уилсон, эпически чихнул. Мы все впали в истерику, ведь чих был настолько мощный, что на доске от него остались мокрые пятнышки. Мистера Уилсона, чей рассказ о бое между «Монитором» и «Мерримаком» прервал Роджер, это застало врасплох и вовсе не позабавило. И хотя Роджер извинился и сказал, что ничего не мог поделать, потому что его одолела аллергия, мистер Уилсон посчитал необходимым его наказать. Что еще более важно, он знал, что ему нужно снова утихомирить класс. Поэтому он постановил, что Роджер должен написать о бое, рассказ о котором явно игнорировал, сочинение на пятьсот слов и выступить с ним перед классом на следующий день.

Роджер считал это жутко несправедливым, но на следующий день, когда мистер Уилсон вызвал его к доске, он был готов. С чуть нервозным, но совершенно серьезным видом он взял в руки пару тетрадных листков и начал читать: «”Монитор” заметил “Мерримака” первым и выстрелил: бах, бах, бах, бах, бах, бах, бах...» – и так далее. На середине сочинения «Мерримак» открыл ответный огонь: – «бах, бах, бах...»

До конца Роджер так и не дочитал. Мистер Уилсон был в ярости. Ученики катались по полу от хохота.

Мы продолжали смеяться, пока Уилсон тащил Роджера по коридору в кабинет директора, где ему прочитали лекцию и велели написать о знаменитом бое серьезное сочинение длиной в тысячу слов и выступить с ним перед классом на следующий день. На этот раз он сделал все, как было велено, но, хотя мы пытались не смеяться, периодически хохотки вырывались наружу.

Эти события случились взаправду, но они – не просто теплые воспоминания. Это окна в мою дружбу с Роджером и краткие зарисовки ранних этапов развития его характера.

Мы знали, что месть «лучше подавать холодной», однако следовали более высокому кодексу чести, поэтому так и не воплотили в жизнь те планы, что могли навлечь на нас настоящие неприятности. Мы никогда бы не сделали ничего незаконного, аморального или неэтичного. К тому же планирование – самая веселая часть подобных авантур.

Первый анекдот демонстрирует два важных аспекта наших отношений. Во-первых, мы постоянно обменивались идеями, а во-вторых, постоянно приятельски соревновались; мы были из тех друзей, которые вечно бросают друг другу перчатку». Мы сравнивали, кто принесет больше новой информации для обсуждений; состязались, кто первым достигнет земли, забравшись на скалу Морроу в Калифорнии и сбежав по склону, лучше себя покажет в тестах на интел-

лект или уровень подготовки, завоеует следующую награду. По мере взросления эти «соревнования» способствовали нашему личностному росту.

Мы всегда показывали примерно равные результаты, но независимо от того, чем конкретно заканчивалось то или иное состязание, наши отношения основывались исключительно на взаимном восхищении, а не на зависти. Верность и уважение тоже всегда были их частью.

Роджер был моим самым дорогим и самым давним другом. Ко дню его смерти, 14 июня 1995 года, я знал его дольше, чем кого бы то ни было на свете, за исключением моей мамы. Мы буквально могли заканчивать мысли друг друга.

Наша дружба началась более чем за полвека до этого в школе Ноубл города Юклид в штате Огайо. Хотя ходят устойчивые слухи, что мы сидели за одной партой в первом классе, на самом деле это не так. В первый год обучения я знал его по игровой площадке, но учились мы в разных классах. Он казался мне «странным ребенком». А вот во втором классе мы и вправду сидели за одной партой, потому что шла война, и ни один город не тратил деньги на школы. И когда я пришел во второй класс к миссис Фарбер, то очутился по соседству с тем самым «странным» мальчишкой по имени Роджер Желязны. Эта парта, как оказалось, была идеальной метафорой.

Наше знакомство не сразу сделалось близким. Он был закрытым и застенчивым. Но когда наша учительница узнала,

что в чтении мы опережаем весь остальной класс, она отправила нас в библиотеку, чтобы мы читали что захотим. Я интересовался мифами, легендами и сказками. А библиотека школы Ноубл была сокровищницей – собственно говоря, все школьные библиотеки Юклида были для своего времени превосходными. Но казалось, что всякий раз, когда я отправлялся на поиски конкретной книги, ее уже успевал увести этот Железны. То же самое касалось и обычных детских книг – «Доктора Дулиттла», «Алисы в Стране чудес» и «20 000 лье под водой». В конце концов мы с Роджером начали соревноваться в том, кто больше прочитает. Наши похвалы друг перед другом переходили в обсуждения не только книг, но и других вопросов, забот и интересов.

А потом как-то раз – это было в четвертом или пятом классе – когда я уже направлялся домой, Роджер вручил мне пару сложенных тетрадных листочков и попросил прочесть. Я кивнул, сказал что-то в духе «ладно» и засунул их в карман – я был любителем прогулок, и мне предстояло исследовать множество миров: два таинственных леса, несколько прудов и ручьев, полных рыбы и головастиков, и пару полей, кишящих мышами, любопытными жуками и ужами. Я вспомнил о «записке» Роджера лишь когда закончил с уроками. Тогда я достал ее из кармана куртки и начал читать.

Это было длинное рифмованное стихотворение, озаглавленное «Монстр Йоук», и в нем я изображался огромным, волосатым, вонючим чудищем, которое скакало по дере-

вьям, как обезьяна, любило плескаться в воде, но никогда по-настоящему не мылось, и ело маленьких мохнатых зверюшек, мерзких жуков и сбитых машинами животных.

Я очень разозлился. И после первой же строфы решил, что завтра на переменке побью Роджера. Я рос в бедном районе и часто дрался – так мы разрешали споры. Мы знали, кого можем побороть, а от кого стоит держаться подальше. Наркотиков и оружия у нас не было. Но мы были суровыми ребятами – мы пили, курили и иногда занимались сексом. А потом случилось кое-что странное. Хотя я и был зол, Роджер мне нравился, поэтому я подобрал листки и продолжил чтение. И вскоре, сам того не желая, начал смеяться. Стих был по-настоящему забавным.

Поэтому я успокоился и через несколько дней принес в школу достойный ответ – «Монстра Железны». Мое стихотворение тоже было забавным, но куда более злым и противным. Так родилась парочка персонажей, поселившихся в «Рассказах из Архива», – и крепкая дружба, продлившаяся больше половины века.

Когда мы начали писать, у нас быстро появились правила, привычки и порядки. В рассказах могло происходить все, что не нарушало продуманную основополагающую мифологию; персонажи сделались симпатичными, дружелюбными и не такими страшными, а истории должны были содержать мягкий юмор.

«Рассказы из Архива», которые мы писали поочередно,

повествовали о приключениях и злоключениях Ёка и Жляза, двух почти бессмертных монстроподобных созданий, принадлежащих к малоизвестному земному виду и обитавших в катакомбах ниже Парижа, но выше Ада, возле города под названием Люцетания.

По мере развития персонажей развивалась и мифология Люцетании. Ёк и Жляз отличались неутолимым аппетитом. Они много ели и необычайно долго спали. Они были крайне умны, восхитительно изобретательны и невероятно любопытны. У них было отличное чувство юмора.

Моны (сокращение от слова «монстр» и одновременно искажение слова «man», «чувак» или «человек») не любили работать, если дело не касалось их интересов и хобби. Но поскольку они были крайне сообразительными (или во всяком случае казались такими), правитель Люцетании (През) с помощью шантажа и несоразмерных вознаграждений постоянно убеждал их отправляться на задания, за которые не брались другие его агенты. Государству вечно угрожали силы Преисподней и ее многочисленных союзников. Задания почти всегда касались также спасения людей и иных существ на поверхности. Спасение людей было невольным следствием спасения Люцетании, поскольку монны, как правило, находили их невежественными и скучными и потому игнорировали. В более поздних историях, написанных в более поздние годы, угрозы безопасности Люцетании сделались более сложными и иногда исходили от инопланетян.

Ёк и Жляз были ленивы, часто пьяны (поскольку в огромных количествах поглощали местный напиток под названием «зипена») и чрезмерно похотливы. С точки зрения законов Люцетании они были довольно подозрительны, но ввиду их полезности для Преза их сомнительные деяния игнорировались или прощались. Раз за разом они, казалось бы, чудом спасали город, но в процессе становились причиной сильных разрушений. Это был их фатальный изъян. И тем не менее они были лучшими агентами Люцетании. Они никогда не терпели неудач – не потому, что на самом деле были самыми сообразительными или самыми талантливыми, но потому, что вдобавок к находчивости и уму обладали немалой везучестью, которую называли «колоссией» (от слова «колосс»).

Монстры были нестрашными, а сюжеты часто вращались вокруг недостатков героев. При всей своей мозговитости Ёк и Жляз часто бывали наивны и не замечали очевидного. Например, в одном рассказе Жляз отправился в долгое космическое путешествие, но забыл заправить свой звездолет и потерпел крушение на необитаемой планете. В другом рассказе Ёк использовал неправильное заклинание и обратил в камень огромного динозавра с гребнем на спине; в конце концов этот динозавр был погребен и стал ныне знаменитой скалой в национальном парке Западной Виргинии.

Поскольку приемлема была почти любая тема, каждый новый рассказ одного из авторов бросал второму вызов. Если

я приносил в «Архив» новую переменную, Роджер обязан был принять ее и обыграть, расширив или модифицировав, или же объяснить таким образом, чтобы она не противоречила мифологии. Игнорировать нововведение попросту за-прещалось.

Ёк и Жляз развивались по мере нашего взросления и отражали то, как мы видели себя в старшей школе и университете. Сюжеты рассказов основывались на том, что мы знали или узнавали. А наше бесконечное любопытство, эклектичные вкусы и стремление обставить друг друга делали рассказы «необычными». Частью удовольствия от их написания было логично внедрить в сюжет то, что мы увидели, услышали или прочитали. Источники бывали самыми разнообразными, от комиксов до философских работ, но особенно часто это были мифы, легенды и сказки. Фильмы, телесериалы, газетные комиксы, поп-, а позднее и фолк-музыка также быстро оказывали влияние на наше мышление.

Темами рассказов становились взросление, развлечения, игры, любопытство, бессмертие и отношения с девушками – помимо прочего. Вещи часто оказывались не тем, чем казались, что удивляло читателя и создавало напряжение. Форма и хаос – в том смысле, что ничего никогда не уничтожалось окончательно – пронизывали собой всю мифологию. Почти с самого начала мы сообразили, что форма всегда рождается из хаоса, потом развивается, а погибая, становится частью какой-то новой формы: создание, разрушение, воссоздание.

Ничто во вселенной не пропадало; оно просто преобразалось. В ней была стройность и какое-то подобие логики и здравого смысла, которое не только притягивало нас, но и успокаивало.

Это, разумеется, не гарантировало, что отдельные сознания будут существовать вечно. Однако Роджер верил, что пережил астральную проекцию. С его точки зрения, это подтверждало существование иной реальности и говорило о том, что индивидуальное сознание действительно может существовать после смерти физического тела.

Вот так мы в начале пятидесятых создавали то, что позднее станет называться «межавторским циклом». Мы делали то, что в рекламной индустрии называют «трансформацией образа» – чем-то подобным занимался в журнале *New Yorker* Чарльз Аддамс.

Мы почти никогда не писали в подлинном соавторстве. Я могу вспомнить лишь один такой случай. Он касался создания двух учебных газет для занятия по журналистике в одиннадцатом классе. Мы создали «Марсианскую хронику» и «Венерианский вестник». Мы написали для них шуточные статьи, сделали макет страниц, а вместо фотографий нарисовали и раскрасили картинки.

Мифология Люцетании отражала тех, кем мы тогда были (или притворялись), и развивалась главным образом благодаря событиям, происходившим в нашей реальной жизни. С какой бы проблемой мы ни сталкивались, один из нас все-

гда владел нужной информацией, отыскивал нужную информацию, натыкался на нужный адрес, находил нужный инструмент, вспоминал статью или связывался с нужным человеком, чтобы эту проблему решить. Например, в старших классах мы были бутафорами в школьной постановке пьесы «Замечательный Крайтон». Мы частенько вызывались выполнять задания за пределами школы, потому что так у нас появлялся законный повод уйти пораньше. У Роджера был «форд» 1950 года, и мы хорошо умели превращать двадцатиминутную поездку за каким-нибудь предметом мебели в часовую – а то и больше, – с передышкой в юклидском кафетерии за шоколадными коктейлями.

Случилось так, что в день премьеры у нас все еще не хватало маленькой, но необходимой оттоманки. Ее хозяева были в отпуске, но обещали, что вернутся вовремя. Мы не знали, что делать, и поэтому ошивались в школе, пытаясь быть полезными. Наконец режиссер сообщил нам, что хозяева оттоманки вернулись и если мы поторопимся, то успеем ее привезти до начала спектакля.

Хотя было уже темно, сначала все шло хорошо. Мы нашли дом в районе, который теперь называется Ричмонд-Хайтс, погрузили оттоманку в машину и поехали обратно к школе. Съезжая с холма на Ричмонд-Роуд, мы увидели, как опускается шлагбаум перед железной дорогой на 160-й улице и загораются красные огни семафора. Роджер быстро достиг переезда, остановился и подождал. Мы ничего не увидели, по-

этому спустя разумный промежуток времени Роджер привел машину в движение, обогнул шлагбаум и выехал на рельсы. Разумеется, машина заглохла. Он отчаянно пытался ее завести, но мотор отказывался работать.

Минула долгая минута, и мы услышали гудок поезда. С востока выворачивал локомотив. Зазвенел предупреждающий сигнал, замигали красные огни, и я потянулся к ручке пассажирской двери, чтобы выскочить наружу. И тут мы оба вспомнили, что у «форда» Роджера механическая коробка передач.

– Толкаем! – почти одновременно завопили мы. Роджер вдавил педаль сцепления. Машина сделала рывок вперед. Он снова вдавил педаль, и машина снова рванулась. Наконец мы съехали с рельсов, вручную протолкали машину вокруг шлагбаума и выслушали множество комментариев относительно нашей безмозглости от взрослых, ехавших в другую сторону.

Мы снова сели в машину, и Роджер опять попробовал ее завести. Мотор заработал. Мы доставили оттоманку в школу к началу спектакля.

Нам очень везло – а может, мы были очень хороши. В шестом классе я победил в региональном конкурсе сочинений, позже – получал стипендии за научную работу, а еще позже – национальные премии. В средней школе я публиковал в *Euclid News Journal* заметки о спорте, а в старшей – выиграл конкурс рассказов, проводившийся школьным литера-

турным журналом. Роджер победил в том же конкурсе годом раньше и завоевал еще несколько литературных наград, учась в Кейсовском университете Западного Резервного района. Но самый большой его прорыв случился, когда Сил Голдсмит выловила из самотека «Мистерию» и поняла, что открыла уникальный талант. Под ее внимательным наставничеством наружу вышли все лучшие черты творческой манеры Роджера.

По причинам, которые я так и не смог вычислить (мы принадлежали к очень разным культурам), у нас были весьма схожие вкусы. Мы читали, среди прочего, «Пого», «Малыша Абнера», «Фантома», «Терри и пиратов», «Попая» и «Принца Валианта», слушали по радио «Капитана Полночь», «Джека Армстронга, американского парня», «2000 плюс», «Есть пистолет – готов путешествовать», «Святая святых», «Бостонского Блэки», «Зеленого Шершня», «Приключения Сэма Спейда», «Тень» и входившую в число наших фаворитов «Я люблю тайны» с Джеком, Доком и Реджи. По телевизору мы смотрели «Мистера Пиперса», «Смелую затею», «Космического кадета», «Капитана Видео» и еще несколько передач. Мы следили за приключениями Тарзана, Брика Брэдфорда, Флэша Гордона и Бака Роджерса в нескольких медиа и читали авторов, писавших в то время научную фантастику и фэнтези – Азимова, Хайнлайна, Брэдбери, Уильямсона, Лейбера, Каттнера, Мур, Гамильтона, Брэкетт, Хаггарда, Меррита и Лавкрафта – а также исследовате-

лей мифологии, в первую очередь Буллфинча и Кэмпбелла. Обнаружив, что в аптеке Мосса продаются палповые журналы, мы стали покупать *Imagination, Amazing, Other Worlds, Planet* и другие, открывавшиеся и закрывавшиеся. Мы изучали и обсуждали «Я помню Лемурию» Ричарда Шейвера, гипноз, наркогипноз, йогу, астральную проекцию, розенкрейцерство и прочие экзотические темы.

И всегда читали классиков прозы, драматургии и поэзии. Однако в отношениях с большинством соучеников мы парадоксальным образом чувствовали себя аутсайдерами. «Парадоксальным образом» – потому что мы оба редактировали школьную газету, и относились к нам хорошо. Я был членом кабинета старшеклассников и оргкомитета выпускного вечера. Роджер входил в совет учеников. Я был членом команды по плаванию. Мы завоевывали литературные призы. Мы ходили на свидания и школьные балы. Но мы попросту обнаружили, что, за редкими исключениями, нас увлекает не то, что увлекало наших одноклассников; наши интересы были куда шире.

Мы разделяли «тревоги» пятидесятых: холодная война, атомные бомбы, цензура. Из-за Маккарти и Никсона нам обоим пришлось дать подписку, что мы не являемся и никогда не являлись коммунистами – мы ведь школьную газету выпускали, черт побери.

Нас всегда заботили гуманность и человечность. Люди, с которыми знакомился Роджер, были искателями приключе-

ний; их следовало изучать, у них следовало учиться. Идеи, темы и персонажей – позаимствованных не только из его личного опыта, но и из других литературных работ, – надлежало подробно исследовать, понять и новыми способами вводить в новые истории. Какими бы разнообразными ни были идеи – такие, как Вечный Жид, кэрролловская Алиса, зеркала, тени, бессмертие, Шекспир, – он переписывал их, чтобы они работали на его сюжеты. «Шропширский парень» А. Э. Хаусмана служит превосходным примером подобной творческой изобретательности. Желязны блестяще переработал идеи из частей XXXII и XXXIII для своей повести «Я только вздоха жду», создав в ней новый взгляд на понятие человечности.

Его гениальность заключалась в способности делать это исключительно хорошо.

Критики знают, что великие истории нуждаются в великих сюжетах, великих персонажах и великих идеях, но самые лучшие работы Желязны превосходят даже это. Его лучшие рассказы лаконичны и строги – важно каждое слово и каждый образ – и содержат в себе глубокие замечания о том, что значит быть человеком; они отличаются поэтическим видением и рассказаны поэтичным языком. Те, кто читает их, навсегда пленяются их красотой.

Я уверен, что многие из его историй являются великой литературой, – к примеру, «Мужчина, любивший фейоли», «Машина в средоточии души», «Вечная мерзлота», «Ключи

к Декабрю». «24 вида горы Фудзи кисти Хокусая», «Двери лица его, пламенники пасти его» и «Князь света».

Критик Джо Сандерс однажды написал: «Значительным писателем Желязны делает не только то, что он уже написал, но и то, что он *может* написать»¹. В то время как мы оглушаем западную культуру и заполняем мир вторичными и предсказуемыми историями, я, например, очень скучаю по его творческому гению.

¹ Джо Сандерс, «Незаконченное дело» (Unfinished Business), в книге «Голоса Будущего: эссе о выдающихся писателях-фантастах» (*Voices for the Future: Essays on Major Science Fiction Writers*), т. 2, ред. Т. Д. Клэрсон, Popular Press, 1979 г., стр. 180–196 и стр. 205–207.

Рассказы и повести

Роза для Екклесиаста

The Magazine of Fantasy & Science Fiction, ноябрь 1963 г.
Номинация на премию «Хьюго» 1964 г. (рассказ). № 3 в списке лучших фантастических произведений всех времен по мнению читателей журнала Locus, 1999 г. (короткая повесть). № 5 в списке лучших фантастических произведений всех времен по мнению читателей журнала Locus, 1971 г. (малая проза). Шестой величайший НФ-рассказ всех времен по версии антологии «Зал славы научной фантастики, часть первая». *The Science Fiction Hall of Fame, Volume One*, 1970 г.

I

В то утро, когда меня сочли достойным, я переводил один из своих «Макабрических мадригалов» на марсианский. Интерком коротко прожужжал, и я слитным движением уронил карандаш и щелкнул тумблером.

– Мистер Г., – пропело юное контральто Мортонна, – старик велел мне немедленно «изловить этого чертова зазнавшегося рифмача» и направить в его каюту. Поскольку чертов зазнавшийся рифмач у нас только один...

– Пусть Честолюбье твой труд без презренья приемлет, – оборвал я его.

Итак, марсиане наконец-то приняли решение! Я стряхнул полтора дюйма пепла с тлеющей сигареты и сделал первую затяжку с тех пор, как ее зажег. Целый месяц предвкушения изо всех сил пытался втиснуться в единый момент, но у него не очень-то получалось. Я боялся пройти эти сорок футов и услышать, как Эмори произносит те слова, которые – я уже это знал – он произнесет; и это чувство оттесняло другое на второй план.

И поэтому я сначала закончил ту строфу, которую переводил, а уже потом встал.

Путь до двери Эмори занял всего мгновение. Я дважды постучал и открыл ее, как раз когда он прорычал:

– Заходи.

– Вы хотели меня видеть? – Я быстро сел, чтобы он не утруждал себя предложением присаживаться.

– Быстро ты. Бежал, что ли?

Я созерцал его родительское недовольство:

Сосудистые звездочки под бледными глазами, редящие волосы и ирландский нос; голос на децибел громче, чем у кого бы то ни было...

Гамлет – Клавдию:

– Я работал.

– Ха! – фыркнул он. – Ври больше. Никто никогда не видел, чтобы ты этим занимался.

Я пожал плечами и начал вставать.

– Если вы меня за этим сюда позвали...

– Сядь!

Он встал. Он обошел стол. Он навис надо мной и злобно зыркнул сверху вниз. (Непростой трюк, даже когда я сижу в низком кресле.)

– Ты, без сомнения, самый склочный ублюдок, с которым мне приходилось работать! – проревел он, как ужаленный в брюхо буйвол. – Почему бы тебе, черт возьми, хотя бы раз не повести себя как нормальный человек и всех не удивить? Я готов признать, что ты умник, может быть, даже гений, но... а, черт! – Он взмахнул руками и вернулся в кресло. – Бетти наконец-то уговорила их тебя впустить. – Его голос снова стал нормальным. – Они примут тебя сегодня днем. Возьми после обеда джипстер и отправляйся туда.

– Хорошо, – сказал я.

– Тогда на этом все.

Я кивнул, встал. И уже взялся за ручку двери, когда он сказал:

– Ты сам понимаешь, как это важно. Не води себя с ними так, как с нами.

Я закрыл за собой дверь.

* * *

Чем я обедал – не помню. Я нервничал, но инстинктив-

но знал, что не облажаюсь. В моем бостонском издательстве ожидали «Марсианскую идиллию» или хотя бы что-то про космические полеты в духе Экзюпери. Национальная научная ассоциация ждала полного отчета о Взлете и Падении Марсианской империи.

Довольны будут и те, и другие. Я знал.

Вот почему мне все завидуют – почему меня ненавидят. Мне всегда все удастся, и удастся лучше, чем остальным.

Я закинул в рот последнюю горку размазни и двинулся в наше стойло для машин. Выгнал наружу джипстер и поехал на нем к Тиреллиану.

Всполохи песка, полного окислов железа, воспламеняли тачку. Они влетели внутрь сквозь открытый верх и прокусили мне шарф; они принялись щербить мои защитные очки.

Джипстер, раскачиваясь и пыхтя, как маленький ослик, на котором я однажды ехал через Гималаи, постоянно лягал меня в пятую точку. Горы Тиреллиана, зашаркав, двинулись ко мне под косым углом.

Неожиданно дорога пошла на подъем, и я переключил скорость, чтобы унять ослиный крик мотора. «Это не Гоби, не Великая юго-западная пустыня», – подумалось мне. Сплошь красная, сплошь мертвая... и ни кактуса вокруг.

Я выехал на гребень холма, но поднял слишком много пыли и не мог увидеть, что лежит впереди. Но это не имело значения: у меня полная голова карт. Я направился влево и вниз, сбросив газ. Поперечный ветер и твердая земля уняли

пламя. Я чувствовал себя Улиссом в Злых Щелях – сжимающим в руке рифмованную терцинами речь, высматривающим Данте.

Я обогнул каменную пагоду и оказался на месте.

Бетти помахала мне, когда я с хрустом остановился и выпрыгнул наружу.

– Привет, – прокашлял я, разматывая шарф и вытрясая из него полтора фунта песка. – Так чего, куда мне топать и с кем встречаться?

Она позволила себе издать краткий тевтонский смешок – скорее оттого, что я начал предложение с «так чего», нежели из-за моих страданий – прежде чем ответить. (Она первоклассный лингвист, и словечки из Сельского Лексикона до сих пор ее забавляют!)

Я ценю ее точную, насыщенную речь; информативную и все такое прочее. Куртуазных расшаркиваний я навидался столько, что мне хватит как минимум до конца жизни. Я посмотрел на ее шоколадные глаза и идеальные зубы, на ее выбеленные солнцем коротко стриженные волосы (ненавижу блондинок!) и решил, что она в меня влюблена.

– Мистер Гэллинджер, Матриарх внутри, ждет, когда вас ей представят. Она согласилась открыть архивы Храма для ваших исследований. – Здесь она сделала паузу, пригладила волосы и поежилась. Неужели мой взгляд заставил ее нервничать?

– Это религиозные документы и одновременно – един-

ственная их историческая хроника, – продолжила она, – нечто вроде Махабхараты. Матриарх ожидает, что вы будете соблюдать определенные ритуалы при работе с ними, например, повторять священные слова, переворачивая страницы, – системе она вас обучит.

Я кивнул – быстро, несколько раз.

– Ладно, пойдем.

– Э-э... – Она замаялась. – Не забудьте их Одиннадцать Форм Вежливости и Приличий. Они очень серьезно относятся к вопросам формы... и не ввязывайтесь ни в какие дискуссии о равенстве полов...

– Я в курсе всех их табу, – перебил я. – Не беспокойся. Я жил на Востоке, не забыла?

Она опустила глаза и ухватила меня за руку. Я едва ее не отдернул.

– Будет выглядеть лучше, если я вас введу.

Я проглотил комментарий и последовал за ней, точно Самсон в Газу.

* * *

Внутри моя последняя мысль отозвалась странным эхом. Покои Матриарха оказались довольно абстрактной версией того, какими я мог бы представить себе шатры колен Израилевых. Я говорю «абстрактной», потому что были они сплошь оштукатуренный кирпич, островерхие, как большой

шпатель, с узорами под звериную кожу, похожими на серо-голубые шрамы, выглядевшие так, будто их оставили на стенах шпателем.

Матриарх М'Квайи оказалась невысокой и беловласой, лет ей было около пятидесяти, а одевалась она как цыганская королева. В своей радуге пышных юбок она выглядела как перевернутая пуншевая чаша верхом на подушке.

Приняв мой почтительный поклон, она воззрилась на меня, будто сова на кролика. Веки этих черных, черных глаз подскочили вверх, когда она услышала мое идеальное произношение... Диктофон, который Бетти таскала на интервью, сделал свое дело, а касавшиеся языка отчеты первых двух экспедиций я вызубрил наизусть. Я дьявольски хорошо умею подхватывать акценты.

– Вы поэт?

– Да, – ответил я.

– Прочтите какое-нибудь из своих стихотворений, пожалуйста.

– Прошу меня простить, но для того, чтобы воздать должное вашему языку и моей лирике, нужна тщательная переводческая работа, а я еще недостаточно хорошо знаю ваш язык.

– Вот как?

– Но я занимался такими переводами ради забавы, в качестве упражнений в грамматике, – продолжил я. – Для меня будет честью принести кое-какие из них в один из следу-

ЮЩИХ ВИЗИТОВ.

– Да. Сделайте это.

Одно очко в мою пользу!

Она повернулась к Бетти:

– Вы можете идти.

Бетти пробубнила формальное прощание, бросила на меня странный взгляд искоса и ушла. Судя по всему, она ожидала, что останется и будет мне «помогать». Ей хотелось частички славы, как и всем остальным. Но Шлиманом этой Трои был я, и на поданном в Ассоциацию отчете будет стоять лишь одно имя!

М'Квайи встала, и я заметил, что это почти не сделало ее выше. Впрочем, во мне шесть футов и шесть дюймов роста, и я похож на октябрьский тополь: тощий, ярко-рыжий сверху и возвышаюсь над всеми прочими.

– Наши записи очень, очень старые, – начала она. – Бетти говорит, что у вас этот возраст обозначается словом «тысячелетия».

Я почтительно кивнул.

– Мне не терпится на них взглянуть.

– Они не здесь. Нам придется пройти в Храм – их нельзя оттуда выносить.

Неожиданно я насторожился.

– Вы ведь не возражаете против того, чтобы я их копировал?

– Нет. Я вижу, что вы относитесь к ним с уважением, ина-

че ваше желание не было бы так велико.

– Превосходно.

Это, похоже, ее позабавило. Я спросил, что именно она сочла таким смешным.

– Выучить Высокий Язык для пришельца может оказаться не так просто.

Осознание было мгновенным.

Никто из первой экспедиции не подошел настолько близко. Мне неоткуда было знать, что дело придется иметь с двумя языками – не только с повседневным, но и с классическим. Я частично усвоил их пракрит, а теперь мне предстояло выучить весь санскрит.

– Ух! и проклятье!

– Прошу прощения?

– Это непереводаемо, М'Квайи. Но представьте себе, что вам пришлось бы спешно учить Высокий Язык, и угадаете смысл.

М'Квайи вновь усмехнулась и велела мне снять ботинки.

Она провела меня через альков...

...во взрыв византийского великолепия!

* * *

Никто из землян прежде не бывал в этом помещении, иначе я бы об этом слышал. Картер, лингвист первой экспедиции, при помощи некой Мэри Аллен, врача, изучил всю из-

вестную мне теперь грамматику и вокабуляр, сидя скрестив ноги в прихожей.

Мы понятия не имели, что такое существует. Я жадно огляделся. В убранстве ощущалась крайне сложная эстетическая система. Нам придется пересмотреть все наши представления о марсианской культуре.

Во-первых, потолок был куполообразным, на консолях; во-вторых, по бокам стояли колонны с выпуклыми каннелюрами; в-третьих... а, черт! Это место было огромным. Роскошным. По обшарпанной наружности о его существовании догадаться было невозможно.

Я наклонился, разглядывая позолоченную филигрань на церемониальном столике. М'Квайи, судя по виду, восприняла мое напряженное внимание с некоторым самодовольством, но в покер с ней играть я все равно не сел бы.

Стол был нагружен книгами.

Я проследил пальцем ноги узор напольной мозаики.

– Весь ваш город заключен в этом единственном здании?

– Да, оно уходит глубоко в гору.

– Понятно, – ответил я, ничего не понимая.

Я не мог попросить ее о персональном туре – пока что.

М'Квайи подошла к маленькому стулу возле стола.

– Начнем вашу дружбу с Высоким Языком?

Я пытался зафотографировать зал глазами, зная, что рано или поздно должен буду каким-то образом протащить сюда фотоаппарат. Оторвав взгляд от статуэтки, я резко кивнул.

– Да, представьте меня.

Я сел.

На протяжении следующих трех недель алфавитные жучки гонялись друг за другом под моими веками всякий раз, когда я пытался заснуть. По безоблачному лазурному водоему неба шла каллиграфическая рябь, когда я пробегался по нему глазами. За работой я пил кофе квартами, а в перерывах на кофе смешивал себе коктейли из «Бензедрина» с шампанским.

М'Квайи наставляла меня по два часа утром, а иногда – еще по два вечером. Еще четырнадцать часов в день я упражнялся самостоятельно, как только набрал достаточный ход, чтобы заниматься этим в одиночку.

А по ночам лифт времени уносил меня на самые нижние его этажи...

* * *

Мне снова было шесть, я учил иврит, греческий, латынь и арамейский. Мне было десять, я украдкой заглядывал в «Илиаду». Когда папочка не вещал об адском пламени, сере и братской любви, он учил меня тащиться от Слова – в оригинале.

Боже! На свете так много оригиналов и *так много слов!* В двенадцать лет я начал указывать на мелкие расхождения между тем, что он проповедовал, и тем, что я читал.

Фундаменталистский напор его ответа не терпел возражений. Это было хуже любой порки. После этого я стал держать рот на замке и научился ценить ветхозаветную поэзию.

...Господи, я прошу прощения! Папа... сэр... я прошу прощения!.. Этого не может быть! Этого не может быть...

В тот день, когда мальчик выпустился из средней школы, с наградами за изучение французского, немецкого, испанского и латыни, Папочка Гэллинджер сказал своему четырнадцатилетнему, шестифутовому пугалу-сыночку, что хочет, чтобы тот стал священником. Я помню, как его сыночек увиливал.

«Сэр, – сказал он, – мне бы вроде как хотелось поучиться самостоятельно годик-другой, а потом пройти подготовительные курсы по теологии в каком-нибудь гуманитарном университете. Мне кажется, я еще слишком юн, чтобы вот так прямо идти в семинарию».

Глас Божий: «Но ты наделен даром языков, сын мой. Ты можешь проповедовать Евангелие во всех землях Вавилонских. Ты рожден, чтобы стать миссионером. Ты говоришь, что юн, но время проносится мимо тебя, как ураган. Начни раньше, и насладишься дополнительными годами служения».

Дополнительные годы служения были дополнительными хвостами для терзавшей мою спину кошки. У меня теперь не получается представить себе его лицо; совсем не получается. Быть может, потому, что в то время я всегда боялся на него

взглянуть.

А спустя несколько лет, когда он умер и лежал, одетый в черное, в окружении букетов, в окружении рыдающей пасты, в окружении молитв, покрасневших лиц, носовых платков, похлопывающих по плечам рук, скорбнолицых утешителей... я посмотрел на него и не узнал.

Мы встретились за девять месяцев до моего рождения, этот незнакомец и я. Он никогда не был жесток – строг, требователен, презрителен к чужим недостаткам – но никогда не жесток. А еще он был всем, что было у меня вместо матери. И братьев. И сестер. Он смирился с тремя годами, проведенными мною в университете Святого Иоанна, – скорее всего, из-за названия, – и так и не узнал, каким вольным и упоительным было это место на самом деле.

Но я никогда его не знал, а теперь человек на катафалке ничего от меня не требовал; я был волен не проповедовать Слово. Но теперь мне этого хотелось – в ином смысле. Мне хотелось проповедовать то слово, которое никогда не сумело бы сорваться с моих губ, пока он был жив.

Осенью я не вернулся проходить последний курс. Мне было оставлено небольшое наследство, и пришлось повозиться, чтобы получить его в свое распоряжение, поскольку мне не исполнилось еще восемнадцати. Но я справился.

В конечном итоге мой выбор пал на Гринвич-Виллидж.

Не сообщив никому из равнодушных прихожан своего нового адреса, я завел привычку ежедневно писать стихи и

самостоятельно учил японский и хиндустани. Я отращивал пламенную бороду, пил эспрессо и учился играть в шахматы. Мне хотелось опробовать еще парочку путей к спасению.

После этого были два года в Индии со старым добрым Корпусом мира – те, кто отучили меня от буддизма и принесли мне мои «Свирели Кришны» и Пулитцера, которого они заслуживали.

Затем – возвращение в Штаты за дипломом, аспирантская работа по лингвистике и новые премии.

А потом настал день, когда на Марс отправился корабль. Судно, спорхнувшее в свое пламенное гнездо в Нью-Мексико, принесло с собой новый язык... Он был фантастическим, экзотическим и эстетически неотразимым. Узнав о нем все, что только можно было узнать, и написав свою книгу, я прославился в новых кругах:

«Ступай, Гэллинджер. Окуни свое ведро в колодец и дай нам испить Марса. Иди, изучи другой мир – но оставайся холоден, поругивай его, как Оден, – и вручи нам его душу, изложенную ямбом».

И я прибыл в страну, где солнце – потускневший пятак, где ветер – хлыст, где две луны играют в догонялки, а адский песок вызывает жгучую чесотку, стоит только на него посмотреть.

Я восстал от своих метаний на койке и сквозь полумрак каюты подошел к иллюминатору. Пустыня была бесконечным оранжевым ковром, что вспучивался от заметенных под него столетий.

— Я — смельчак, хоть — чужой, эта земля — открыта пред мной!

Я засмеялся.

Я уже ухватил Высокий Язык за хвост — или за корень, если вы любите, чтобы каламбуры были не только точными, но и анатомически верными.

Высокий и Низкий языки были вовсе не так непохожи, как казалось поначалу. Моих познаний в одном хватало, чтобы пробираться сквозь самые неясные места другого. Грамматику и самые распространенные неправильные глаголы я знал назубок; составляемый мной словарь рос с каждым днем, подобно тюльпану, и вот-вот должен был расцвести. Каждый раз, когда я проигрывал пленки, его стебель удлинялся.

И вот настало время проверить мое мастерство, применить усвоенные уроки на практике. Я намеренно воздерживался от того, чтобы занырнуть в ключевые тексты, прежде чем смогу оценить их по достоинству. Я читал малозначительные комментарии, отрывки стихов, фрагменты истории.

И все, что я прочел, оставило у меня одно сильнейшее впечатление.

Они писали о конкретных вещах: камнях, песке, воде, ветрах; и посыл, скрывавшийся за этими стихийными символами, был яростно пессимистичен. Он напомнил мне о некоторых буддистских текстах, но еще больше, как я осознал во время своих недавних *recherches*, он был созвучен отдельным частям Ветхого Завета. А конкретно он напомнил мне о Книге Екклесиаста.

Что ж, вот и оно. Настроение, а с ним и вокабуляр, оказались так схожи, что это должно было стать идеальным упражнением. Как перевод По на французский. Я никогда не встану на Путь Маланна, но я покажу им, что и к землянину однажды приходили такие же мысли, схожие чувства.

Я включил настольную лампу и отыскал среди своих книг Библию короля Якова.

«Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, – всё суета! Что пользы человеку...»

* * *

Мои успехи, похоже, ошеломляли М'Квайи. Она таранилась на меня, словно сартров Другой, с противоположной стороны стола. Я стремительно разделялся с главой из Книги Локара. Взгляда я не поднимал, но чувствовал тугую сеть, которой ее глаза оплетали мою голову, плечи и быстрые

руки. Я перевернул очередную страницу.

Не взвешивает ли она сеть, оценивая размер улова? Но зачем? В книгах ничего не говорилось о марсианских ловцах. Особенно о ловцах человеков. Там говорилось о том, что какой-то божок по имени Маланн сплюнул, или сделал нечто отвратительное (в зависимости от версии, которую ты читаешь), и жизнь зародилась, как болезнь, в неорганической материи. Там говорилось, что движение было ее первым законом, ее первым законом, и что танец был единственным достойным ответом неорганическому... мастерство танца – его оправданием, ...анием... а любовь есть болезнь органической материи... неорганической материи?

Я помотал головой. Меня едва не одолел сон.

– М'нарра.

Я встал и потянулся. Теперь ее глаза озирали меня с жадностью. Я встретил их взгляд, и они потупились.

– Я устал. Хочу немного отдохнуть. Я мало спал прошлой ночью.

Она кивнула – я рассказал ей, что на Земле это означает «да».

– Не желаете ли вы расслабиться и увидеть доктрину Локара в ее наиярчайшем воплощении?

– Прошу прощения?

– Не хотите ли вы увидеть Танец Локара?

– О. – Эти их чертовы кружения форм и перифразов были хуже, чем в корейском! – Да. Разумеется. Когда бы он ни

проводился, я буду рад взглянуть.

Я продолжил:

– А тем временем я хотел спросить у вас, нельзя ли мне сделать несколько фотографий...

– Он будет проведен сейчас. Присаживайтесь. Отдыхайте. Я позову музыкантов.

Она торопливо вышла за дверь, за которой я ни разу не бывал.

Ну что ж, танец есть наивысшая форма искусства, согласно Локару, не говоря уж о Хэвлоке Эллисе, и теперь мне предстояло увидеть, как, по мнению их умершего много веков назад философа, ему следует выглядеть. Я потер глаза и сложился пополам, несколько раз коснувшись пальцев ног.

Кровь застучала у меня в голове, и я пару раз глубоко втянул в себя воздух. Снова наклонился, и тут в дверях что-то замельтешило.

Для трио, вошедшего вместе с М'Квайи, я, должно быть, выглядел так, словно, согнувшись в три погибели, искал свой потерянный рассудок.

Я слабо улынулся и выпрямился, покраснев не только от напряжения. Я не ждал их *так* скоро.

Неожиданно мне снова вспомнился Хэвлок Эллис в ипостаси, завоевавшей ему наибольшую популярность.

Маленькая рыжеволосая куколка, завернутая, точно в сари, в прозрачный лоскут марсианского неба, в изумлении подняла взгляд – как ребенок на какой-нибудь цветастый

флаг на высоком шесте.

– Привет, – вот что я ей сказал (или какой-то эквивалент этого слова).

Она поклонилась, прежде чем ответить. Судя по всему, мой статус возрос.

– Я буду танцевать, – сказала красная рана на бледной, бледной камее – ее лице. Глаза цвета мечты и ее платья разлучились с моими.

Она проплыла в центр зала.

Замерев там, как фигура на этрусском фризе, она то ли медитировала, то ли созерцала узор на полу.

Быть может, в этой мозаике скрыт символический смысл? Я изучил ее. Если и так, он меня избегал; такой пол неплохо смотрелся бы в ванной или патио, но ничего сверх этого я в нем не замечал.

Другие две женщины были такими же забрызганными краской воробьями средних лет, как М'Квайи. Одна устроилась на полу с трехструнным инструментом, смутно напоминающим сямисэн. У другой в руках были простая деревянная коробочка и две палочки.

М'Квайи отвергла свой стул и, не успев я это осознать, уже сидела на полу. Я последовал ее примеру.

Женщина с сямисэном все еще настраивала его, поэтому я наклонился к М'Квайи.

– Как зовут танцовщицу?

– Бракса, – ответила она, не глядя на меня, и подняла ле-

вую руку, что означало «да», и «приступайте», и «начнем».

Струнная штукавина запульсировала, как зубная боль, а из коробочки вырвалось тиканье, подобное голосам всех так и не изобретенных часов.

Бракса была статуей – руки закрывают лицо, локти подняты и широко расставлены.

Музыка стала метафорой огня.

Щелчки, мурлыканье, треск...

Она не двигалась.

Шипение стало плеском. Темп замедлился. Теперь это была вода, величайшая драгоценность на свете, журчавшая прозрачно, а затем зелено над мшистыми камнями.

А она все не двигалась.

Глиссандо. Пауза.

Потом, так неявно, что сначала я этого почти не заметил, началась дрожь ветров. Мягко, нежно, вздыхая и умолкая, неуверенно. Пауза, всхлип, и повтор первой фразы, только громче.

Поломал я себе окончательно глаза чтением – или Бракса на самом деле дрожала, вся, с ног до головы?

Да.

Она начала микроскопическое раскачивание. На дюйма вправо, потом влево. Ее пальцы разошлись, подобно лепесткам цветка, и я увидел, что ее глаза закрыты.

Ее глаза открылись. Далекое, остекленевшие, они глядели сквозь меня и сквозь стены. Ее раскачивание стало более

заметным, слилось с ритмом.

Теперь ветер налетал из пустыни, накатывал на Тиреллиан, как волны на плотину. Ее пальцы зашевелились, став его порывами. Ее руки, неспешные маятники, начали контрдвижение.

Приближался ураган. Она закружилась вокруг своей оси, и теперь ее руки двигались в такт с телом, зато плечи яростно завращались, описывая восьмерку.

Ветер! Ветер, говорю я вам. О дикий, загадочный! О муза Сен-Жона Перса!

Циклон вращался вокруг этих глаз, своего неподвижного центра. Она запрокинула голову, но я знал, что между ее взглядом, пассивным, как у Будды, и неизменными небесами нет никакого потолка. Быть может, лишь две луны прерывали свой сон в этой стихийной Нирване необитаемой лазури.

Много лет назад, в Индии, я видел девадаси, что танцевали на улице, сплетая свою цветастую паутину, привлекая мужчин-насекомых. Но Бракса была чем-то большим: она была рамаджани, как те служительницы Рамы – аватары Вишну – которые подарили человеку танец: священные танцовщицы.

Тиканье сделалось монотонно-непрерывным; визг струн наводил меня на мысли о жалящих лучах солнца, чей жар крало дыхание ветра; синева была Сарасвати, и Марией, и девушкой по имени Лора. Я услышал, как где-то играет ситар, увидел, как эта статуя оживает, и вдохнул божественное

откровение.

Я снова стал Рембо с его гашишем, Бодлером с его лауданумом, По, Де Квинси, Уайльдом, Малларме и Алистером Кроули, я стал, на мимолетную секунду, своим отцом за его темной кафедрой, в еще более темном костюме, а псалмы и пыхтение органа трансмутировали в яркий ветер.

Она была раскрученным флюгером, пернатым распятым, повисшим в воздухе, бельевой веревкой с единственным ярким одеянием, взметнувшимся параллельно земле. Ее плечо оголилось, и правая грудь колыхалась вверх и вниз, как луна в небесах, красный сосок на мгновение показывался над складкой и снова исчезал. Музыка была так же формальна, как спор Иова с Богом. Ее танец был ответом Бога.

Музыка замедлилась, унялась; ее встретили, ей оказали достойный отпор, ей ответили. Одеяние Браксы, как будто живое, поползло обратно, вернувшись к тем спокойным складкам, какие образовывало изначально.

Она опустилась ниже, еще ниже, на пол. Ее голова упала на поднятые колени. Она не шевелилась.

Тишина.

* * *

По боли в плечах я осознал, как напряженно сидел. Мои подмышки взмокли. По бокам стекали ручейки. Что положено делать теперь? Аплодировать?

Я покосился на М'Квайи. Она подняла правую руку.

Словно по телепатическому сигналу, девушка содрогнулась всем телом и поднялась. Музыкантши встали вместе с ней. И М'Квайи тоже.

Я поднялся на ноги – левую свело судорогой – и сказал. «Это было прекрасно», – как бы бестолково это ни прозвучало.

Мне ответили тремя разными Высокими Формами благодарности.

Взвихрились краски, и я снова остался наедине с М'Квайи.

– Это был сто семнадцатый из двух тысяч двухсот двадцати четырех танцев Локара.

Я взглянул на нее сверху вниз.

– Прав был Локар или нет, но он измыслил превосходный ответ неорганике.

Она улыбнулась.

– Танцы вашего мира подобны этому?

– Некоторые похожи. Я вспоминал о них, глядя на Браксу... но точно такого же мне видеть не приходилось.

– Она хороша, – сказала М'Квайи. – Она знает все танцы. Намек на то выражение лица, что встревожило меня раньше...

Он исчез в мгновение ока.

– А теперь я должна вернуться к исполнению своих обязанностей. – Она подошла к столу и закрыла книги. – М'нар-

ра.

– До свидания. – Я надел ботинки.

– До свидания, Гэллинджер.

Я вышел из дверей, запрыгнул в джипстер и урычал сквозь вечер в ночь, и позади меня медленно хлопали крылья поднятой мною пустыни.

II

Я как раз закрыл дверь за Бетти после краткого урока грамматики, когда услышал в коридоре голоса. Вентиляционное отверстие в моей каюте было чуточку приоткрыто, так что я подошел к нему и начал подслушивать:

Сладенький дискант Мортон:

– Можете поверить? Он мне недавно «здрате» сказал.

– Хм-м-м-ф, – взорвались слонови легкие Эмори. – Либо он с катушек съезжает, либо ты стоял у него на пути, и он хотел, чтобы ты свалил.

– Должно быть, он меня не узнал. Думаю, с тех пор, как он начал играть с этим языком, он вообще не спит. У меня на прошлой неделе были ночные вахты, и я каждую ночь в три часа проходил мимо его двери – и всякий раз слышал этот диктофон. И в пять, когда я возвращался, он все еще занимался.

– Он и правда усердно работает, – неохотно признал Эмори. – Честно говоря, мне кажется, он принимает какую-то

дурь, чтобы не засыпать. У него в последнее время этакий стеклянный взгляд. Впрочем, для поэта оно, может, и нормально.

Бетти явно остановилась рядом с ними, потому что в этот момент она вклинилась в разговор:

– Как бы вы к нему ни относились, у меня не меньше года уйдет, чтобы выучить то, что он подхватил за три недели. А я всего лишь лингвист, а не поэт.

Мортон, должно быть, втайне вздыхал по ее коровьим прелестям. Не могу представить, с чего бы иначе он дал задний ход и сказал то, что сказал.

– В университете я записался на курс современной поэзии, – начал он. – Мы читали шестерых авторов: Йейтса, Паунда, Элиота, Крейна, Стивенса и Гэллинджера – и в последний день семестра, когда на профессора нашло риторическое настроение, он сказал: «Эти имена высечены на лике столетия, и все врата критики и Ада не закроют им путь».

Что до меня, – продолжил Мортон, – я думал, что его «Свирели Кришны» и «Мадригалы» великолепны. Для меня было честью войти в состав экспедиции, в которую он отправлялся. И с тех пор, как мы познакомились, он бросил в мою сторону не больше пары десятков слов, – закончил он.

Слово Защите:

– А тебе не приходило в голову, – сказала Бетти, – что он может чудовищно стесняться своей внешности? К тому же он был не по годам развитым ребенком, и у него, скорее

всего, никогда не было школьных друзей. Он чувствителен и очень замкнут.

– Чувствителен? Стесняться? – Эмори фыркнул и поперхнулся. – Да он горд, как Люцифер, эта ходячая машина оскорблений. Ты нажимаешь кнопочку «Привет» или «Хороший сегодня денек», а он тебе нос показывает. У него это рефлекс.

Они обронили еще несколько любезностей и разошлись.

Что ж, и тебе не хворать, Мортончик! Маленький ты прыщавый, взращенный Плющом ценитель! Я не слышал ни единого курса о своей лирике, но рад, что кто-то это сказал. Врата Ада. Ну надо же! Может, папочкины молитвы были где-то услышаны, и я все-таки стал миссионером!

Вот только...

...Вот только миссионеру нужно *во что-то* обращать людей. У меня есть личная эстетическая система, и, полагаю, где-то из нее сочтется побочный этический продукт. Но если мне когда-то и было что проповедовать, по-настоящему, хотя бы в моих стихах, я не стал бы проповедовать это такому отребью, как вы. Вы считаете меня хамом, но я еще и сноб, и в моем Раю вам делать нечего – это уединенное местечко, куда заглядывают на ужин Свифт, Шоу и Петроний Арбитр.

И – о, какие пиры мы закатываем! Каких Трималхионов, каких Эмори мы препарируем!

Мы едим вас вместе с супом, Мортон!

Я отвернулся и устроился за столом. Мне хотелось что-нибудь написать. Екклесиаст мог взять на эту ночь отгул. Мне хотелось написать стихотворение, стихотворение о сто семнадцатом танце Локара; о розе, следующей за светом, очерченной ветром, больной, как роза Блейка, умирающей...

Я нашел карандаш и взялся за дело.

Закончив, я был доволен. Стихотворение не было выдающимся – по крайней мере, не было более выдающимся, чем от него требовалось, – поскольку Высокий марсианский не из тех языков, которыми я владею лучше всего. Повозившись немного, я переложил его на английский, с частичной рифмовкой. Может быть, я запихну его в следующий сборник. Я назвал его «Бракса»:

В земле и ветреной, и рыжей,
где вечер Времени ледяной
студит в груди у Жизни молоко,
и две луны под звездной крышей —
собака с кошкой в переулке сна —
скребут, царапают от века мой полёт...
Бутоны последнего цветка горят всё ближе.

Я отложил его и отыскал фенотарбитал. Неожиданно мной овладела усталость.

Когда на следующий день я показал стихотворение М'К-вайи, она прочла его несколько раз, очень медленно.

– Оно красиво, – сказала она. – Но вы использовали три слова из собственного языка. «Кошка» и «собака» – это, я полагаю, два мелких животных с наследственной ненавистью друг к другу. Но что такое «цветок»?

– О, – ответил я. – Я так и не нашел вашего эквивалента слову «цветок», но на самом деле я думал о земном растении, розе.

– На что она похожа?

– Ну, лепестки у нее, как правило, ярко-красные. Вот что я подразумевал, на одном уровне, под словами «бутон горит». Но еще я хотел, чтобы они намекали на горячку, и на рыжие волосы, и на пламя жизни. У самой розы колючий стебель, зеленые листья и яркий, приятный аромат.

– Хотела бы я ее увидеть.

– Думаю, это можно устроить. Я проверю.

– Пожалуйста, проверьте. Вы... – Она употребила слово, означающее пророка или религиозного поэта, вроде Исаии или Локара, – а ваше стихотворение вдохновенно. Я расскажу о нем Браксе.

Я отверг это звание, но оно мне польстило.

Что ж, решил я, вот он, тот стратегический день, день, ко-

гда следует спросить, можно ли мне принести сюда микрофильмирующий аппарат и фотокамеру. Я хочу скопировать все их тексты, объяснил я, и не могу писать достаточно быстро, чтобы это сделать.

Она удивила меня тем, что немедленно согласилась. А своим приглашением – поразила.

– Не хотите ли вы пожить здесь, пока это делаете? Тогда вы смогли бы работать и днем, и ночью, в любое удобное время – конечно же, за исключением тех случаев, когда Храм занят.

Я поклонился.

– Это будет для меня честью.

– Хорошо. Привозите свои машины, когда захотите, и я покажу вам комнату.

– Удобно ли сделать это сегодня днем?

– Разумеется.

– Тогда я пойду и все подготовлю. Увидимся днем...

– До свидания.

* * *

Я ожидал, что Эмори заупрямится, но не сильно. На корабле всем не терпелось поглядеть на марсиан, потыкать в марсиан иголками, порасспрашивать их о марсианском климате, болезнях, химии почвы, политике и грибах (наш ботаник был грибным фанатиком, но в целом хорошим пар-

нем) – но лишь четвертым или пятерым довелось на самом деле их увидеть. Бо`льшую часть времени команда занималась раскопками мертвых городов и их акрополей. Мы играли в игру по строгим правилам, а местные были так же яростно обособлены, как японцы девятнадцатого века. Я предполагал, что большого сопротивления не встречу, и предполагал верно.

По правде говоря, у меня возникло отчетливое впечатление, что все были только рады моему переезду.

Я заглянул в лабораторию гидропоники поболтать с нашим повелителем грибов.

– Привет, Кейн. Вырастил уже на песке какие-нибудь мухоморчики?

Он шмыгнул. Он постоянно шмыгает. Возможно, у него аллергия на растения.

– Здравствуй, Гэллинджер. Нет, с мухоморами у меня успехов нет, но загляни за гараж в следующий раз, когда окажешься рядом. У меня там прижилось несколько кактусов.

– Отлично, – сказал я. Док Кейн был чуть ли не единственным моим другом на борту, не считая Бетти.

– Кстати, я спустился сюда кое о чем тебя попросить.

– Выкладывай.

– Мне нужна роза.

– Что?

– Роза. Ну, знаешь, симпатичная красная «американская красавица» – шипы, приятный запах...

– Не думаю, что она приживется на этой почве. *Шмыг, шмыг.*

– Нет, ты не понимаешь. Я не хочу ее сажать, мне просто нужен цветок.

– Придется использовать баки. – Он почесал свою безволосую макушку. – На то, чтобы обеспечить тебе цветы, уйдет не меньше трех месяцев, даже при условии форсированного роста.

– Ты сделаешь это?

– Конечно, если ты не против подождать.

– Совершенно не против. Собственно говоря, через три месяца как раз подойдет время нашего отлета. – Я оглядел лужицы ползучей слизи, поддоны с ростками. – ...Я сегодня переезжаю в Тиреллиан, но буду постоянно мотаться туда-сюда. Я зайду, когда она расцветет.

– Туда перебираешься, значит? Мур говорил, что они держатся своих.

– Видимо, я теперь «свой».

– Похоже на то... Я до сих пор не понимаю, как ты выучил их язык. У меня, конечно, и с французским, и с немецким были проблемы, когда я писал докторскую, но на прошлой неделе я слышал, как Бетти демонстрировала его за обедом. Какой-то набор странных звуков. По ее словам, разговаривать на нем – как решать кроссворд в «Таймс» и пытаться имитировать птичьи трели одновременно.

Я рассмеялся и принял предложенную мне сигарету.

– Он сложный, – признал я. – Но это, ну, как если бы ты неожиданно нашел здесь целый новый класс грибов, – о таком мечтаешь ночами.

Его глаза сверкали.

– Это было бы что-то! Я еще могу его открыть, знаешь ли.

– Может, и откроешь.

Он хихикнул, и мы направились к двери.

– Я возьмусь за твои розы сегодня вечером. Не переня-
прягайся там.

– А то как же. Спасибо.

Как я и говорил – грибной фанатик, но в целом хороший парень.

* * *

Мои покои в Цитадели Тиреллиана располагались в прямом соседстве с Храмом, с внутренней стороны и чуть слева. Это было улучшением по сравнению с моей тесной каюткой, и меня порадовало, что марсианская культура развилась в достаточной степени, чтобы открыть преимущества матраса перед лежаком. К тому же кровать была такой длины, что я – к своему удивлению – на ней уместался.

Итак, я распаковал багаж и сделал шестнадцать тридцатимиллиметровых снимков Храма, прежде чем взяться за книги.

Я делал копии, пока мне не осточертело переворачивать

страницы, не зная, что на них говорится. И взялся переводить исторический труд.

«Услышьте. На тридцать седьмой год Процесса Сайллена пришли дожди, став причиной немалой радости, ибо это было редкое и неожиданное событие, обычно считавшееся благословением.

Но с небес струилось не дарующее жизнь семя Маланна. Это была кровь вселенной, хлещущая из артерии. И последние дни нависли над нами. Близилось начало последнего танца.

Дожди принесли с собой чуму, которая не убивает, и последние фигуры Локара начались под их ритм...»

Я спросил себя, что, черт возьми, имел в виду Тамур, который был историком и, предположительно, придерживался фактов. Это не было их Апокалипсисом.

Или все же было?..

«А почему бы и нет?» – подумалось мне. Горстка обитателей Тиррелиана была последним, что осталось от когда-то очевидно высокоразвитой культуры. У них были войны, но не было истребления, была наука, но почти не было технологий. Чума; чума, которая не убивает?.. Может, это сделала она? Как, если она не была смертоносной?

Я продолжил чтение, но природа чумы не разъяснялась. Я перелистывал страницы, перескакивал вперед, и ничего не находил.

«М'Квайи! М'Квайи! Когда мне больше всего хочется за-

дать тебе вопрос, тебя нет рядом!»

Не будет ли faux pas отправиться на ее поиски? Да, решил я. Я был ограничен комнатами, которые мне показали, — таково было невысказанное понимание. Мне придется подождать, чтобы узнать.

Так что я выругался, длинно и громко, на множестве языков, несомненно заставив священные уши Маланна вспылать там, в его храме.

Но сразить меня насмерть он нужным не счел, поэтому я решил, что на сегодня хватит, и отправился на боковую.

* * *

Должно быть, я проспал несколько часов, прежде чем Бракса вошла в мою комнату с крошечным светильником. Она вытащила меня в явь, подергав за рукав пижамы.

Я сказал «привет». Теперь, вспоминая, я думаю, что больше тут сказать было и нечего.

— Привет.

— Я пришла, — сказала она, — услышать стихотворение.

— Какое стихотворение?

— Ваше.

— О.

Я зевнул, сел и сделал все то, что обычно делают люди, разбуженные посреди ночи ради чтения поэзии.

— Это очень мило с твоей стороны, но тебе не кажется, что

час для этого немножко неудобный?

– Я не против, – ответила она.

Когда-нибудь я напишу для «Журнала семантики» статью под названием «Тон голоса: недостаточный инструмент для передачи иронии».

Но раз уж меня разбудили, я потянулся за халатом.

– Что это за животное? – спросила она, указав на шелкового дракона у меня на лацкане.

– Мифическое, – ответил я. – Послушай, уже поздно. Я устал. Утром у меня много дел. А у М'Квайи может сложиться неверное представление, узнай она, что ты здесь была.

– Неверное представление?

– Проклятье, ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду! – Мне в первый раз подвернулась возможность воспользоваться марсианским ругательством, и оно пропало даром.

– Нет, – ответила Бракса. – Не понимаю.

Она казалась напуганной, как щенок, который не понимает, за что его отругали.

Я смягчился. Ее красная накидка идеально шла к ее волосам и губам, и губы эти дрожали.

– Ну-ну, я не хотел тебя расстроить. На моей планете существуют некие, гм, устои, касающиеся пребывания представителей разных полов, не соединенных узами брака, наедине в спальне... Э-э, ну, ты понимаешь, о чем я?

– Нет.

Они были нефритовыми, ее глаза.

– Ну, это вроде как... Короче, это касается секса, вот что. В нефритовых лампах зажегся огонь.

– О, вы говорите о делании детей!

– Да. Вот оно! Именно!

Она рассмеялась. Я впервые услышал в Тиреллиане смех. Он звучал так, словно скрипач выбивал смычком короткую дробь из своих высоких струн. Это нельзя было назвать услугой для слуха, особенно потому, что смеялась Бракса слишком долго.

Отсмеявшись, она придвинулась ближе.

– Теперь я вспомнила, – сказала она. – У нас тоже были такие правила. Половину Процесса назад, когда я была девочкой, у нас были такие правила. Но, – она выглядела так, будто вот-вот снова рассмеется, – теперь в них нет нужды.

Мой мозг заработал, словно магнитофон, проигрывающий пленку на тройной скорости.

Половину Процесса назад! Половину Процесса... Процесса Процесса! Нет! Да! Половина Процесса – это примерно двести сорок три года!

...Достаточно, чтобы выучить две тысячи двести двадцать четыре танца Локара.

...Достаточно, чтобы состариться, если ты человек.

...Человек земного образца, я имею в виду.

Я снова взглянул на нее, бледную, как белая королева в шахматном наборе из слоновой кости.

Она была человеком, я поставил бы на это свою душу, –

живым, нормальным, здоровым. Я поставил бы на это свою жизнь – женщина, мое тело...

Но ей было два с половиной века, что делало М'Квайи бабушкой Мафусаила.

Мне льстили комплименты, которых они раз за разом удостаивали мои таланты лингвиста, поэта. Эти высшие создания!

Но что она имела в виду, говоря «теперь в них нет нужды»? Откуда эта подступающая истерика? Откуда эти странные взгляды, что бросает на меня М'Квайи?

Неожиданно я понял, что близок к чему-то важному, помимо красивой девушки.

– Скажи мне, – начал я своим Небрежным Голосом, – не имеет ли это какого-нибудь отношения к «чуме, которая не убивает», упомянутой Тамуром?

– Да, – ответила она, – дети, рожденные после дождей, не могли делать собственных, а...

– Что «а»? – я наклонялся вперед, переводя память в режим записи.

– ...а у мужчин пропало желание их делать.

Я откинулся назад, обмяк, прислонившись к столбику кровати. Расовая стерильность и мужская импотенция, следовавшие за необычными осадками. Быть может, какое-нибудь блуждающее облако радиоактивной дряни, залетевшее Бог знает откуда, пробило однажды слабую защиту их атмосферы? Быть может, задолго до того, как Скиапарел-

ли увидел каналы, такие же мифические, как мой дракон, до того, как эти «каналы» породили некоторое количество верных выводов из неверных посылок, Бракса уже жила и танцевала здесь, проклятая бесплодием с тех времен, как слепой Мильтон написал об ином рае, столь же потерянном?

Я нашарил сигарету. Хорошо, что я догадался прихватить с собой пепельницы. Табачной промышленности у марсиан тоже никогда не было. И выпивки. Аскеты, которых я встречал в Индии, в сравнении с ними были дионисийцами.

– Что это за огненная трубочка?

– Сигарета. Хочешь попробовать?

– Да, пожалуйста.

Она села рядом со мной, и я зажег для нее сигарету.

– Она раздражает нос.

– Да. Вдохни немного, поддержи в легких и выдохни.

Пролетело мгновение.

– О-о, – протянула она.

Пауза, а затем:

– Они священны?

– Нет, это никотин, – ответил я, – крайне *эрзацная* форма божественности.

Еще одна пауза.

– Пожалуйста, не проси меня перевести слово «эрзацный».

– Не буду. Иногда я так себя чувствую, когда танцую.

– Это скоро пройдет.

– Прочитайте мне свое стихотворение.

Мне в голову пришла идея.

– Подожди-ка минутку, – сказал я, – возможно, у меня найдется кое-что получше.

Я встал и покопался в своих блокнотах, потом вернулся и сел рядом с ней.

– Это первые три главы книги Екклесиаста, – объяснил я. – Она очень похожа на ваши священные книги.

Я начал читать.

После одиннадцатого стиха она воскликнула:

– Пожалуйста, не читайте это! Прочтите мне что-то свое!

Я остановился и отшвырнул блокнот на стоявший рядом столик. Бракса трепетала, не так, как дрожала в тот день, когда танцевала подобно ветру, но дрожью непролитых слез. Она держала сигарету неловко, будто карандаш. Я неуклюже обнял ее за плечи.

– Он такой печальный, – сказала она, – как и все остальные.

И я закрутил свой разум, словно яркую ленту, сложил и завязал в сумасшедшие рождественские узлы, которые так люблю. От немца марсианке с любовью – я прочел импровизированный парафраз стихотворения об испанской танцовщице. Я думал, что он ее порадует. Я оказался прав.

– О-о, – снова протянула она. – Это вы написали?

– Нет, куда более талантливый человек.

– Я не верю. Это написали вы.

– Нет, это сделал человек по фамилии Рильке.

– Но вы перенесли его на мой язык. Зажгите еще одну спичку, я хочу посмотреть, как она танцевала.

Я зажег.

– Пламя вечности, – задумчиво проговорила Бракса, – и она затаптывает его «проворными и легкими ногами» ². Хотела бы я танцевать, как она.

– Ты лучше любой цыганки, – рассмеялся я, задувая спичку.

– Нет, это неправда. Я бы так не смогла.

Ее сигарета догорала, и я вытащил ее из пальцев Браксы и затушил вместе со своей.

– Хотите, я станцую для вас?

– Нет, – сказал я. – Иди в кроватку.

Она улыбнулась и, не успев я опомниться, распустила красные складки на своем плече.

И все полетело вниз.

И я сглотнул, с некоторым трудом.

– Хорошо, – сказала она.

И я поцеловал ее, а дыхание сброшенной одежды погасило светильник.

III

Дни были подобны листьям Шелли: желтые, багряные, ко-

² Перевод В. Г. Куприянова. (Прим. пер.)

ричные, понукаемые яркими порывами западного ветра. Они проносились мимо меня с шелестом микропленки. Почти все книги были уже отсняты. Ученым потребуются годы, чтобы прочитать их, чтобы как следует оценить их значимость. Марс был заперт в моем столе.

Екклесиаст, дюжину раз брошенный и подхваченный, готовился заговорить на Высоком Языке.

Я насвистывал, когда был не в Храме. Я писал кипы стихов, которых прежде устыдился бы. Вечерами я прогуливался с Браксой в дюнах или в горах. Иногда она танцевала для меня; а я читал что-нибудь длинное, написанное дактилическим гекзаметром. Она до сих пор считала меня Рильке, и я почти убедил себя, что это правда. Вот он я, в замке Дуино, пишу его «Элегии».

...Разумеется,
странно
покинуть
привычную
землю,
Обычаев
не
соблюдать,
усвоенных
нами
едва
ли,

Розам
и
прочим
предметам,
сулящим
нам
нечто,
Значения
не
придавать... ³

Нет! Никогда не придавайте значения розам! Не придавайте. Нюхайте их (шмыг, Кейн!), срывайте их, наслаждайтесь ими. Живите мгновением. Держитесь его всеми силами, но не требуйте у богов объяснения. Так быстро проносятся листья, гонимые ветром...

И никто нас не замечал. Или всем было наплевать.

Лора. Лора и Бракса. Они рифмуются, если вы не заметили, хоть и с трудом. Она была высока, холодна и светловолоса (ненавижу блондинок!), а папочка вывернул меня наизнанку, будто карман, и я подумал, что она сумеет наполнить меня заново. Но здоровенный работяга-битник с бородкой Иуды и собачьим доверием в глазах – о, он был славным украшением ее вечеринок. Тем все и кончилось.

Как проклинала меня машина в Храме! Она богохульствовала против Маланна и Гэллинджера. А дикий западный

³ Перевод В. Микушевича. (Прим. пер.)

ветер проносился мимо, и что-то следовало за ним.

Последние дни нависли над нами.

* * *

Прошел день, а я не увидел Браксу; за ним – ночь.

И второй день. И третий.

Я был полубезумен. Я и не понимал, как близки мы стали, как важна она для меня. В утешительной бездумности ее присутствия я не позволял себе сомневаться в розах.

Я должен был спросить. Я не хотел, но выбора у меня не было.

– Где она, М'Квайи? Где Бракса?

– Ушла, – сказала она.

– Куда?

– Я не знаю.

Я взглянул в эти дьявольские птичьи глаза. Анафема маран-афа подступила к моим губам.

– Я должен знать.

Она смотрела сквозь меня.

– Она оставила нас. Она ушла. Должно быть, в холмы. Или в пустыню. Это не имеет значения. Что вообще имеет значение? Танец близится к завершению. Храм скоро опустеет.

– Почему? Почему она ушла?

– Я не знаю.

– Я должен снова ее увидеть. Мы улетаем через несколько

дней.

– Мне жаль, Гэллинджер.

– Мне тоже, – сказал я и захлопнул книгу, не сказав «М’нарра».

Я встал.

– Я найду ее.

Я вышел из Храма. М’Квайи сидела статуей. Мои ботинки все еще были там, где я их оставил.

* * *

Весь день я с ревом носился верх и вниз по дюнам, без малейшего результата. Экипажу «Аспида» я, должно быть, казался песчаной бурей. В конце концов мне пришлось вернуться за горючим.

Эмори величаво вышел наружу.

– Ладно, выкладывай. Ты похож на Отвратительного Пыльного Человека. Что за родео?

– Я просто, э, кое-что потерял.

– Посреди пустыни? Сонет, что ли? Мне как-то не приходит в голову, из-за чего еще ты можешь устроить такой переполох.

– Нет, черт побери! Это было кое-что личное.

Джордж закончил наполнять бак. Я снова полез в джипстер.

– Стоять! – Эмори ухватил меня за руку. – Ты туда не

вернешься, пока не скажешь мне, что происходит.

Я мог бы вырваться из его хватки, но тогда он приказал бы притащить меня обратно за шкурку, а людей, готовых сделать это с удовольствием, нашлось бы немало. Поэтому я заставил себя ответить медленно, тихо:

– Я просто потерял свои часы. Их подарила мне мать, это фамильная реликвия. Я хочу их найти, пока мы не улетели.

– Ты уверен, что они не лежат у тебя в каюте или в Тиреллиане?

– Я уже проверял.

– Может, кто-нибудь их спрятал, чтобы тебя позлить. Сам знаешь, ты тут не самый популярный парень.

Я покачал головой:

– Я об этом подумал. Но я всегда ношу их в правом кармане. Наверное, они выпали, когда меня подбросило на дюне.

Он прищурился.

– Помнится, я читал на обложке, что твоя мать умерла при родах.

– Верно, – сказал я, прикусив язык. – Часы принадлежали ее отцу, и она хотела, чтобы ими владел я. Отец сохранил их для меня.

– Хмпф! – фыркнул он. – Довольно странный способ искать часы – гонять туда-сюда на джипстере.

– Это чтобы увидеть, как от них отражается свет, – неубедительно объяснил я.

– Ну так уже темнеет, – заметил Эмори. – Сегодня искать

больше смысла нет. Накрой джипстер чехлом от песка, – велел он механику.

Потом похлопал меня по руке.

– Зайди внутрь, прими душ и перекуси. Судя по твоему виду, и то, и другое тебе не помешает.

Сосудистые звездочки под бледными глазами, редящие волосы и ирландский нос; голос на децибел громче, чем у кого бы то ни было...

Его единственное лидерское качество!

Я стоял и ненавидел его. Клавдий! Ах, если бы это был пятый акт!

Но неожиданно мысль о душе и еде пробилась в мою голову. Я отчаянно нуждался и в том, и в другом. Если я буду настаивать на том, чтобы немедленно вернуться обратно, то могу возбудить еще бо́льшие подозрения.

Поэтому я стряхнул какое-то количество песка с рукава.

– Вы правы. Это звучит как хорошая идея.

– Пойдем, поедим в моей каюте.

Душ был благословением, чистые штаны – милостью Божьей, а от еды исходил аромат Рая.

– Пахнет неплохо, – сказал я.

Мы смолотили свои стейки в тишине. А когда добрались до десерта и кофе, он предложил:

– Почему бы тебе не взять отгул на сегодняшнюю ночь? Останься здесь и выпись.

Я помотал головой:

– Я сильно занят. Заканчиваю. Времени осталось немного.

– Пару дней назад ты говорил, что у тебя уже все почти готово.

– Почти, но не совсем.

– А еще ты говорил, что сегодня в Храме будет служба.

– Верно. Я буду работать в своей комнате.

Эмори пожал плечами.

Наконец он сказал: «Гэллинджер», – и я поднял взгляд, потому что мое имя означает неприятности.

– Мне не стоит лезть в такие дела, – сказал он, – но я должен. Бетти говорит, у тебя там девушка.

Вопросительного знака не было. Это было заявление, повисшее в воздухе. Выжидающее.

«Бетти, ты сука. Ты корова и сука. И ревнивая к тому же. Почему ты не оставила свой нос там, где ему положено быть, не закрыла свои глаза? Свой рот?»

– И? – сказал я: заявление с вопросительным знаком.

– И, – ответил он, – мой долг, как главы этой экспедиции, обеспечить, чтобы все контакты с местными происходили в дружелюбной – и дипломатической – манере.

– Вы говорите о них, – сказал я, – как о дикарях. Это предельно далеко от правды.

Я встал.

– Когда мои работы будут напечатаны, все на Земле узнают эту правду. Я расскажу им то, о чем доктор Мур даже не

догадывался. Расскажу о трагедии обреченного вида, ожидающего смерти, смиренного и отрешенного. Расскажу о ее причине, и суровые академические сердца разобьются. Я напишу об этом, и мне вручат новые премии, но теперь они будут мне не нужны. Боже мой! – воскликнул я. – У них была культура, когда наши предки еще лупили дубинами саблезубых тигров и выясняли, как работает огонь!

– Так у тебя *есть* там девушка?

– Да! – ответил я. *Да, Клавдий! Да, папочка! Да, Эмори!* – Есть. Но позвольте поделиться с вами свежайшей научной информацией. Они уже мертвы. Они стерильны. Еще поколение – и никаких марсиан не останется.

Я помолчал и добавил:

– Только в моих работах, только на отдельных микропленках и записях. И в нескольких стихотворениях, о девушке, которой было не наплевать и которая могла жаловаться на несправедливость всего этого только в танце.

– О, – сказал он.

После молчания:

– Ты *и впрямь* вел себя иначе в последнюю пару месяцев. Даже бывал иногда по-настоящему вежлив, веришь или нет. Я не мог не гадать, что происходит. Я и не знал, что для тебя что-то может быть настолько важным.

Я понурил голову.

– Это из-за нее ты носился по пустыне?

Я кивнул.

– Почему?

Я поднял взгляд.

– Потому что она где-то там. Я не знаю, где и почему. И я должен найти ее, прежде чем мы улетим.

– О, – повторил он.

Потом Эмори откинулся на спинку кресла, открыл ящик стола и достал что-то, завернутое в полотенце. Он размотал его. На столе лежала рамка с фотографией женщины.

– Моя жена, – сказал он.

У нее было привлекательное лицо и большие миндалевидные глаза.

– Я моряк, если ты не знал, – начал он. – Когда-то был молодым офицером. Встретил ее в Японии. Там, откуда я родом, считалось неправильным брать в жены женщину другой расы, и я этого так и не сделал. Но она была моей женой. Когда она умерла, я был на другом конце света. Моих детей забрали, и с тех пор я их не видел. Я так и не выяснил, в каком приюте, в каком доме они оказались. Это было давно. Об этом мало кто знает.

– Соболезную, – сказал я.

– Не стоит. Забудь. Но, – он поерзал в кресле и посмотрел на меня, – если хочешь забрать ее с собой – заberi. С меня за это шкуру снимут, но я слишком стар, чтобы когда-нибудь еще возглавить такую экспедицию. Так что вперед.

Эмери глотнул холодного кофе.

– Бери свой джипстер.

Он развернул кресло.

Я дважды попытался сказать «спасибо», но не смог. Поэтому я встал и вышел.

– Сайонара и все такое, – пробормотал он у меня за спиной.

* * *

– Готово, Гэллинджер! – донесся до меня крик.

Я развернулся на каблуках и посмотрел на вершину рамп.

– Кейн!

Он был силуэтом в проходе, тенью на свету, но я услышал, как он шмыгнул.

Я вернулся на несколько шагов.

– Что готово?

– Твоя роза.

Он достал пластиковый контейнер с перегородкой внутри. Нижняя половина была наполнена жидкостью. В нее уходил стебель. Во второй половине – бокал кларета в этой ужасной ночи – была большая, только что распустившаяся роза.

– Спасибо, – сказал я, пряча ее под куртку.

– В Тиреллиан возвращаешься, да?

– Да.

– Я видел, как ты поднялся на борт, и подготовил ее. Чуть разминулсЯ с тобой у каюты капитана. Он был занят. Про-

орал, что я могу поймать тебя у гаражей.

– Еще раз спасибо.

– Она обработана химикатами. Будет цвести несколько недель.

Я кивнул. Я ушел.

* * *

Теперь – в горы. Далеко. Далеко. Небо было ведерком льда, в котором не плавало ни единой луны. Подъем стал круче, и маленький ослик запротестовал. Я подстегнул его педалью газа. Выше. Выше. Я заметил зеленую немигающую звезду и ощутил в горле комок. Плененная роза билась о мою грудь, точно второе сердце. Ослик завопил, протяжно и громко, а потом раскашлялся. Я снова хлестнул его, и он умер.

Я поднял ручной тормоз и выбрался наружу. Пошел пешком. Такой холод, такой холод, и он растет. Здесь, наверху. Ночью? Зачем? Зачем она это сделала? Зачем бежать от кошмара с наступлением ночи?

И я обошел все ущелья, расселины и перевалы – поверху, понизу, вокруг и насквозь – своими широкими шагами и с легкостью, какой на Земле никогда не знали.

Осталось меньше двух дней, любовь моя, а ты меня покинула. Почему?

Я проползал под скальными выступами. Я перескакивал

гребни. Я расцарапал колени, локоть. Я слышал, как порвалась моя куртка.

Никакого ответа, Маланн? Неужели ты и впрямь так сильно ненавидишь свой народ? Тогда я обращусь к кому-нибудь другому. Вишну, ты Хранитель. Сохрани ее, пожалуйста! Дай мне ее найти.

Иегова?

Адонис? Осирис? Таммуз? Маниту? Легба? Где она?

Я забрел далеко и высоко, и я поскользнулся.

Под ногами заскрежетали камни, и я повис на краю. Мои пальцы так замерзли. Цепляться за камень было тяжело.

Я посмотрел вниз.

Футов двенадцать, или около того. Я разжал руки и упал, приземлился и покатился.

И услышал ее крик.

* * *

Я лежал, не двигаясь, глядя в небо. Она звала, наверху, в ночи:

– Гэллинджер!

Я лежал неподвижно.

– Гэллинджер?

И она пропала.

Я услышал перестук камней и понял, что она спускается по какой-то тропе справа от меня.

Я вскочил и нырнул в тень валуна.

Она вышла из-за поворота и неуверенно стала пробираться меж камней.

– Гэллинджер?

Я вышел из-за валуна и ухватил ее за плечи.

– Бракса.

Она снова закричала, а потом расплакалась, прижавшись ко мне. Я впервые услышал, как она плачет.

– Почему? – спросил я. – Почему?

Но она только цеплялась за меня и всхлипывала.

Наконец:

– Я думала, ты покончил с собой.

– Может, я бы это и сделал, – сказал я. – Почему ты покинула Тиреллиан? И меня?

– Разве М'Квайи тебе не сказала? Разве ты не догадался?

– Я не догадался, а М'Квайи сказала, что не знает.

– Значит, она солгала. Она знает.

– Что? Что она знает?

Бракса сотряслась всем телом и надолго умолкла. Неожиданно я понял, что на ней нет ничего, кроме легкого одеяния танцовщицы. Я отстранил ее от себя, снял куртку и набросил ей на плечи.

– Великий Маланн! – воскликнул я. – Ты замерзнешь насмерть!

– Нет, – сказала она. – Не замерзну.

Я перекладывал сосуд с розой к себе в карман.

– Что это? – спросила Бракса.

– Роза, – ответил я. – В темноте ее не разглядишь. Однажды я сравнил тебя с ней. Помнишь?

– Д-да. Можно, я ее понесу?

– Конечно, – я засунул розу в карман куртки. – Ну? Я все еще жду объяснений.

– Ты и правда не знаешь? – спросила она.

– Нет!

– Когда пришли Дожди, – сказала она, – они, должно быть, повлияли только на наших мужчин, и этого хватило... потому что... на меня... они... похоже... не повлияли...

– О, – сказал я. – О.

Мы не двигались с места, и я думал.

– Так почему же ты сбежала? Что такого в том, чтобы быть беременной на Марсе? Тамур ошибся. Ваш народ может продолжать жить.

Она рассмеялась – снова эта бешеная скрипка в руках обезумевшего Паганини.

Я остановил ее, пока это не зашло слишком далеко.

– Как? – наконец спросила она, потирая щеку.

– Вы живете дольше, чем мы. Если наш с тобой ребенок окажется нормальным, это значит, что между нашими видами возможны браки. Среди твоего народа должны еще оставаться фертильные женщины. Так почему нет?

– Ты прочел Книгу Локара, – сказала она, – и все равно задаешь мне этот вопрос? Мы избрали смерть, проголосова-

ли за нее и приняли ее вскоре после того, как она явилась в этом обличье. Но задолго, задолго до этого последователи Локара знали. Они приняли решение уже давно. «Мы сделали все, – сказали они, – увидели все, услышали и почувствовали все. Танец был хорош. Теперь пусть он закончится».

– Ты не можешь в это верить.

– Во что я верю, значения не имеет, – ответила она. – М'Квайи и Матери решили, что мы должны умереть. Сам их титул теперь стал насмешкой, но их решение будет соблюдено. Осталось лишь одно пророчество, и оно ошибочно. Мы умрем.

– Нет, – сказал я.

– А что тогда?

– Вернись со мной на Землю.

– Нет.

– Ну хорошо. Тогда вернись со мной сейчас.

– Куда?

– В Тиреллиан. Я поговорю с Матерями.

– Нельзя! Сегодня Церемония!

Я рассмеялся.

– Церемония в честь бога, который сбивает тебя с ног, а потом пинает в зубы?

– Он все равно остается Маланном, – ответила она. – А мы остаемся его народом.

– Вы с моим отцом нашли бы общий язык, – прорычал я. – Но я поеду туда, а ты поедешь вместе со мной, даже если

мне придется тебя тащить – а я крупнее тебя.

– Но ты не крупнее Онтро.

– Кто, черт побери, такой Онтро?

– Он остановит тебя, Гэллинджер. Он – Кулак Маланна.

IV

Я с заносом затормозил джипстер перед единственным входом, который знал, – входом к М'Квайи. Бракса, увидевшая розу в свете фары, теперь баюкала ее на коленях, будто нашего ребенка, и ничего не говорила. Ее лицо было пассивным, чарующим.

– Они сейчас в Храме? – спросил я.

Лицо Мадонны не изменилось. Я повторил вопрос. Бракса шевельнулась.

– Да, – ответила она, словно издалека, – но ты не можешь туда войти.

– Поглядим.

Я обошел джипстер и помог ей спуститься.

Я вел Браксу за руку, и она двигалась как будто в трансе. В свете недавно взошедшей луны ее глаза были такими же, как в тот день, когда я встретил ее, в день, когда она танцевала. Я щелкнул пальцами. Никакой реакции.

Я толкнул дверь и провел Браксу внутрь. В комнате царил полумрак.

И она закричала в третий раз за тот вечер:

– Не тронь его, Онтро! Это Гэллинджер!

Я никогда прежде не видел мужчину-марсианина, только женщин. Так что мне неоткуда было знать, урод ли он, хотя я сильно это подозревал.

Я поднял на него взгляд.

Его полуобнаженное тело было покрыто бородавками и вздутиями. Видимо, проблемы с железами.

Я думал, что на этой планете никого выше меня нет, но он оказался семи футов ростом, и жирным к тому же. Теперь я знал, откуда взялась моя гигантская кровать!

– Уходи, – сказал он. – Она может войти. Ты – нет.

– Мне нужно забрать мои книги и вещи.

Он поднял огромную левую руку. Я посмотрел, куда она указывает. Все мои пожитки были аккуратно сложены в углу.

– Мне нужно войти. Я должен поговорить с М'Квайи и Матерями.

– Ты не войдешь.

– От этого зависит жизнь вашего народа.

– Уходи, – прогремел он. – Возвращайся к *своему* народу, Гэллинджер. А *наши* оставь!

Мое имя в его устах звучало так странно, словно принадлежало кому-то другому.

«Сколько ему лет? – подумал я. – Триста? Четыреста? Был ли он стражем Храма всю свою жизнь? Зачем? От кого его здесь оберегать?»

Мне не нравилось, как он двигается. Я встречал мужчин,

которые двигались точно так же.

– Уходи, – повторил он.

Если они довели свои боевые искусства до того же совершенства, что и танцы, или, что еще хуже, их боевые искусства были частью танца, мне грозили большие неприятности.

– Иди, – сказал я Браксе. – Передай розу М'Квайи. Скажи, что это от меня. Скажи, что я скоро приду.

– Я сделаю так, как ты просишь. Вспоминай обо мне на Земле, Гэллинджер. Прощай.

Я не ответил ей, и она прошла мимо Онтро в следующую комнату, унося свою розу.

– Теперь ты уйдешь? – спросил он. – Если хочешь, я скажу ей, что мы сразились и ты едва не одолел меня, но я тебя оглушил и отнес на ваш корабль.

– Нет, – сказал я, – я пройду либо мимо тебя, либо по тебе – но я туда пройду.

Он присел, развел руки.

– Поднять руку на святого – грех, – пророкотал он, – но я остановлю тебя, Гэллинджер.

Моя память была как затуманенное стекло, которого неожиданно коснулся свежий воздух. Все прояснилось. Я заглянул на шесть лет назад.

Я изучал восточные языки в Токийском университете. Был наступавший два раза в неделю вечер моего отдыха. Я стоял в тридцатифутовом круге внутри Кодокана, коричневый пояс стягивал дзюдоги над моими высокими бедрами. Я

был иккю – на одну ступень ниже самой низкой степени мастерства. Справа на груди у меня был коричневый ромб, на котором по-японски было написано «джиу-джитсу», но на самом деле это означало «атэми-вадза», потому что я усвоил одну ударную технику, счел ее невероятно подходящей для моего роста и побеждал с ее помощью в поединках.

Но я никогда не использовал ее в бою, и прошло пять лет с тех пор, как я в последний раз тренировался.

Я знал, что потерял форму, но, как мог, постарался, чтобы дух мой был цуки но кокоро, подобен луне, и отражал Онтро целиком.

Откуда-то из прошлого донесся голос, сказавший: «Хаджиме, начинайте».

Я принял нэко аши дачи, стойку кошки, и его глаза странно запылали. Он поспешил изменить позицию, и я воспользовался этим!

Мой единственный трюк!

Моя длинная левая нога взметнулась вверх, как лопнувшая пружина. В семи футах над землей она встретилась с челюстью пытавшегося отскочить Онтро.

Его голова откинулась назад, и он упал. С его губ сорвался тихий стон.

«Вот и все, – подумал я. – Извини, старина».

Но когда я переступал через него, он каким-то образом, едва придя в себя, сумел сбить меня с ног, и я повалился на него. Я поверить не мог, что у него хватило сил не вырубить-

ся после такого удара, не говоря уже о том, чтобы шевелиться. Мне не хотелось вредить ему еще больше.

Но он нашарил мое горло и надавил на него предплечьем прежде, чем я сообразил, что у его действий есть цель.

«Нет! Это не может закончиться вот так!»

Мою трахею, мои сонные артерии пережала стальная балка. Потом я понял, что сознание к нему еще не вернулось, что это рефлекс, выработанный бессчетными годами тренировок. Я уже видел такое однажды, во время сий. Человек погиб, потому что, потеряв сознание, когда его душили, все равно продолжал сопротивляться, а его противник подумал, что неверно применил захват. И надавил сильнее.

Но такое случалось редко, очень редко!

Я врезал локтем ему под ребра и ударил затылком в лицо. Хватка ослабла, но недостаточно. Я не хотел этого делать, но все же поднял руку и сломал ему мизинец.

Его рука обмякла, и я высвободился.

Он лежал, задыхаясь, с искаженным лицом. Я сострадал падшему великану, который защищал свой народ, свою религию, следуя приказу. Я проклинал себя, как ни разу не проклинал прежде, за то, что прошел по нему, а не мимо него.

Я подковылял к маленькой кучке своих вещей. Уселся на футляр проектора и закурил.

Я не мог войти в Храм, пока не переведу дыхания; пока не пойму, что сказать.

Как отговорить целый вид от самоубийства?

И вдруг...

...Возможно ли это? Сработает ли это? Если я прочту им книгу Екклесиаста... если я прочту им литературное произведение, более великое, чем труд любого Локара... и столь же мрачное... и столь же пессимистичное... и покажу им, что мой вид продолжил существовать, вопреки словам одного человека, вынесшего приговор всей жизни в высочайших поэтических выражениях... покажу им, что суета, которую он высмеивал, вознесла нас к Небесам... поверят ли они?.. переменят ли свое мнение?

Я раздавил сигарету о великолепный пол и отыскал свой блокнот. Когда я встал, во мне поднялась странная ярость.

И я ступил в Храм, дабы проповедовать в нем Черное Благовествование от Гэллинджера, из Книги Жизни.

* * *

Меня окружала тишина.

М'Квайи читала из Книги Локара, поставив розу по правую руку от себя, и все глаза смотрели на нее.

Пока не вошел я.

Сотни марсиан сидели на полу, босые. Я отметил, что редкие мужчины были такими же невысокими, как и женщины.

Я не разулся.

«Рисковать – так рисковать, – решил я. – Ты либо выиграешь, либо проиграешь – все».

За спиной М'Квайи сидела полукругом дюжина старух. Матери.

«Бесплодная земля, сухие утробы, тронутые пламенем».

Я подошел к столу.

– Умирая сами, вы хотите обречь на смерть свой народ, – сказал я им, – чтобы он не познал той жизни, которую знали вы, – ее радостей, ее горестей, ее полноты... Но это неправда, что все вы должны умереть. – Теперь я обращался ко всем. – Те, кто так говорит, лгут. Бракса знает, ведь она понесла ребенка...

Они сидели, точно ряды Будд. М'Квайи влилась в полукруг.

– ...моего ребенка! – продолжил я, гадая, что подумал бы об этой проповеди мой отец. – И все те женщины, что еще достаточно молоды, могут понести детей. Стерильны лишь ваши мужчины... А если вы позволите докторам из следующей экспедиции обследовать вас, быть может, окажется, что можно помочь и мужчинам. Но если это не так, вы сможете зачать от мужчин Земли.

А мы – не пустой народ, не пустое место, – продолжил я. – Тысячи лет назад Локар нашего мира написал книгу, говорившую, что это так. Он говорил то же, что и Локар, но мы не сдались, вопреки эпидемиям, войнам и голоду. Мы не умерли. Мы победили болезни, одну за другой, мы накормили голодных, мы отвоевались и уже довольно давно обходимся без войн. Быть может, мы наконец-то с ними покончили. Я не

знаю.

Но мы пересекли миллионы миль пустоты. Мы посетили другой мир. А ведь наш Локар говорил: «К чему пытаться? Чего это стоит? Все равно все суета».

А секрет в том, – я понизил голос, как будто читал стихи, – что он был прав. Это суета, это гордыня! Это тщеславие рационализма – всегда атаковать пророка, мистика, бога. Это наша ересь сделала нас великими и будет поддерживать нас, это ей втайне завидуют боги... Все по-настоящему священные имена Бога суть ересь!

С меня катился пот. Я сделал паузу; у меня кружилась голова.

– Вот книга Екклесиаста, – провозгласил я и начал: – «Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, – всё суета! Что пользы человеку...»

Я увидел вдали Браксу, онемевшую, зачарованную.

Мне стало интересно, о чем она думает.

И, точно черную нить вокруг катушки, я смотал вокруг себя часы ночи.

* * *

О, как было поздно! Я говорил, пока не настал день, и продолжил говорить после. Я закончил Екклесиаста и продолжил Гэллинджером.

А когда я умолк, мне ответила прежняя тишина.

Ряды Будд не двигались всю ночь. И после долгого молчания М'Квайи подняла правую руку. Одна за другой все Матери сделали то же самое.

И я знал, что это значит.

Это значило: нет, не нужно, прекрати, остановись.

Это значило, что я потерпел неудачу.

Я медленно вышел из комнаты и упал рядом со своим багажом.

Онтро не было. Хорошо, что я его не убил...

Спустя тысячу лет вошла М'Квайи.

Она сказала:

– Ваша работа закончена.

Я не двинулся с места.

– Пророчество исполнено, – продолжила она. – Мой народ ликует. Вы победили, святой. А теперь оставьте нас как можно скорее.

Мой разум сдулся, как воздушный шарик. Я подкачал в него немножко воздуха.

– Я не святой, – сказал я, – всего лишь второсортный поэт с запущенным случаем гордыни.

Я зажег последнюю сигарету.

Наконец:

– Ну ладно, что за пророчество?

– Обет Локара, – ответила она, как будто это не требовало объяснений, – что с небес снизойдет святой, чтобы спасти нас в наш последний час, если все танцы Локара будут за-

вершены. Он победит Кулак Маланна и принесет нам жизнь.

– Как?

– Как произошло с Браксой, и с примером, показанным нам в Храме.

– Примером.

– Ты прочел нам его слова, столь же великие, как слова Локара. Ты прочел нам, что «нет ничего нового под солнцем». И ты высмеял его слова, читая их, – показав нам нечто новое. На Марсе никогда не было цветов, – сказала она, – но мы научимся их растить. Ты Святой Насмешник, – закончила она. – Тот, Кто Глумится В Храме, – ты топчешь святую землю обутыми ногами.

– Но вы проголосовали против, – сказал я.

– Я проголосовала против нашего изначального плана и за то, чтобы позволить жить ребенку Браксы.

– О. – Сигарета выпала у меня из пальцев. Как близок я был! Как мало я знал!

– А Бракса?

– Она была избрана полпроцесса назад, чтобы танцевать – чтобы ждать тебя.

– Но она сказала, что Онтро меня остановит.

М'Квайи долго стояла молча.

– Она никогда не верила в пророчество. Ей сейчас плохо. Она сбежала, испугавшись, что оно правдиво. Когда ты исполнил его и мы проголосовали, она поняла.

– Значит, она не любит меня? И никогда не любила?

– Мне жаль, Гэллинджер. Эту часть своего долга она исполнить не смогла.

– Долга, – тускло повторил я... Долгадолгадолга! Тра-ля!

– Она попрощалась; она не хочет тебя больше видеть... А мы никогда не забудем твоих учений, – добавила М'Квайи.

– Не забывайте, – машинально сказал я, неожиданно познав великий парадокс, лежащий в сердце всякого чуда. Я не верил ни единому слову собственной проповеди, не верил никогда.

Я встал, точно пьяный, пробормотав:

– М'нарра.

И вышел наружу, в свой последний день на Марсе.

«Я низверг тебя, Маланн, – и победа осталась за тобой! Покойся мирно на своем звездном ложе. Будь ты проклят!»

Я оставил джипстер и вернулся к «Аспиду» пешком, оставив бремя жизни во множестве шагов за спиной. Зашел в свою каюту, запер дверь и проглотил сорок четыре таблетки снотворного.

* * *

Но когда я проснулся, я был в лазарете – и жив.

Я ощутил пульсацию двигателей, медленно встал и чудом добрался до иллюминатора.

Туманный Марс висел надо мной округлившимся животом, а потом растворился, перелился через край и заструил-

ся по моему лицу.

Слово Желязны

«У меня была сильная сентиментальная привязанность к тому, что теперь называют “космической оперой”... Мне давно хотелось написать что-то в этом роде. Когда я начал продавать рассказы в шестидесятых, было уже поздно – почти. Космическая программа уже опровергла существование Марса и Венеры Эдгара Райса Берроуза – почти... Если я хотел написать оммаж... мне нужно было действовать быстро и выкладываться по полной. Я знал, что мне будет дозволен лишь один шанс поработать с каждой планетой, а потом придется покинуть Солнечную систему. “Роза для Екклесиаста” была моим единственным словом о Марсе. “Двери лица его, пламенники пасти его” – все, что я мог сказать о Венере. И я это сделал. Я написал обе повести и запрыгнул в последний вагон»⁴.

Желязны обычно был уклончив, когда его спрашивали, напоминает ли поэт Гэллинджер его самого, однако написал очень личный ответ на письмо женщины по имени Клара: «Вы спрашиваете, почему я так ненавидел Гэллинджера в “Розе для Екклесиаста”. Правда в том, что я ненавидел его, потому что он был мной. Однажды я позволил умереть че-

⁴ «Янтарные грезы» (*Amber Dreams*), 1983 г.

му-то прекрасному, и теперь его никогда не будет. Детали не важны, потому что они ничего не добавляют. Повесть говорит то, что должна, ее успех или неудача зависят от ее собственных достоинств. Но вы правы в том, что это печальная история, хоть и почувствовали себя подавленной и даже обманутой. Жизнь полна таких случаев, и один из них стал причиной создания этой повести. Я не хотел, чтобы она так заканчивалась, но это должно было случиться, потому что он был мною. Я чувствовал боль вместе с ним. Он был лучше меня, как лингвист, и лучше, как поэт. Он был очень хорошим, непонятым человеком. У этой истории есть продолжение, которое я никогда не напишу, и в нем он возвращается на Марс несколько лет спустя. Оно гораздо печальнее, поверьте мне, и он не заслуживает того, чтобы через это проходить. Он достаточно настрадался. Но иногда такое случается, и все, что тут можно сказать, это: «Смотрите. Вот какова жизнь». Вот и все»⁵. Желязны имел в виду события, послужившие причиной разрыва его шестимесячной помолвки с Хеди Уэст; он написал повесть вскоре после этого.

На самом деле «Роза для Екклесиаста» была написана в октябре 1961 г., за пять месяцев до «Мистерии», но тогда Желязны решил не предлагать ее к публикации, понимая, что описанный в ней Марс к 1962 году утратил всякое правдоподобие. Критики и другие писатели встретили повесть с энтузиазмом, считая, что она отражает стремительное разви-

⁵ *No-Eyed Monster*, № 14, лето 1968 г., стр. 21–22.

тие его таланта. На самом деле Желязны написал ее прежде первых своих опубликованных работ. Неизвестно, редактировал ли он ее вообще перед тем, как отправить в журнал.

Не отступая от своего намерения по примеру Хемингуэя оставлять некоторые вещи невысказанными, Желязны не называет в повести имени Гэллинджера – Майкл. «Это не было важным; у меня не было причин использовать его имя... Если писатель рассказывает в истории меньше, чем видит на самом деле, это добавляет ей силы. Это помогает персонажу казаться более реальным» ⁶.

Примечания

Теодор Старджон восторженно написал, что «"Роза для Екклесиаста" – это одна из самых важных повестей, которые я когда-либо читал, – или, может, мне стоит сказать, что это один из самых запоминающихся опытов, которые у меня были... даже пытаюсь быть настолько объективным, насколько я способен, – то есть не очень, – я все равно могу с уверенностью сказать, что это одно из самых прекрасно написанных, мастерски выстроенных и страстно рассказанных произведений искусства, которые когда-либо где-либо появлялись» ⁷.

Вполне естественно, что эта повесть вошла в число клас-

⁶ Теодор Крулик, «Роджер Желязны» (*Roger Zelazny*), 1986 г.

⁷ «Четверка на завтра» (*Four for Tomorrow*), Ace, 1967 г.

сических работ «марсианской литературы», помещенных на кремниевый мини-DVD «Видения Марса: Первая марсианская библиотека» (*Visions of Mars: First Library on Mar*), что прибыл на поверхность Марса 25 мая 2008 года на борту аппарата «Феникс».

«Роза для Екклесиаста» вошла в антологию «Зал славы научной фантастики, том первый» (*The Science Fiction Hall of Fame, Volume One*), став шестым из двадцати шести лучших произведений малой прозы, напечатанных с 1929 по 1964 год (до учреждения премии «Небьюла»), по версии писателей-фантастов.

Иллюстрация к журнальной публикации повести стала одной из последних работ Ханнеса Бока, и Железны позднее приобрел оригинальный рисунок.

Множеству отсылок и аллюзий, обогащающих текст, может пойти на пользу идентификация или разъяснение. **Мадригал** – это светское музыкально-поэтическое произведение для двух голосов, чаще всего итальянское. Словом **«макабрический»** обычно описывают произведения с мрачной или жуткой атмосферой и акцентом на теме смерти. **«Пусть Честолюбье твой труд без презренья приемлет»** – цитата из стихотворения Роберта Бернса «Субботний вечер крестьянина»⁸. В пьесе Шекспира **Гамлет** и его отчим, король

⁸ Здесь в примечания составителя вкралась неточность: цитата на самом деле взята из стихотворения Томаса Грея «Элегия, написанная на деревенском клад-

Клавдий, относились друг к другу с презрением и недоверием. **Антуан де Сент-Экзюпери** – писатель и летчик, опубликовавший несколько выдающихся романов, касающихся темы полета, и больше всего известный как автор сказки «Маленький принц». **Злые Щели** – восьмой круг ада в «Божественной комедии» **Данте**, в котором он встречает **Улисса**, стоящего в огне, наказанного за три греха, но все равно способного произнести речь о своих приключениях. **Терцины** – форма рифмовки трехстиший, использованная в «Божественной комедии». «**Махабхарата**» – длинная древнеиндийская эпическая поэма, написанная на санскрите.

Самсон – ветхозаветный герой, чья невероятная сила заключалась в его длинных волосах; его любовница Далила остригла их, после чего филистимляне ослепили Самсона и сделали его своим пленником в Газе, – но его волосы снова отросли, и он обрушил колонны храма, погубив себя и множество филистимлян. **Генрих Шлиман** – немецкий охотник за сокровищами, который открыл и раскопал Трою и конфликтовал из-за нее с археологом Фрэнком Калвертом. **Пракрит** был обыденным, или простонародным языком в древней Индии, а **санскрит** – богослужебным, или высоким. «**Потолок был куполообразным, на консолях**» означает, что высокий потолок поддерживали выступы на стенах. «**Бензедрин**» – торговое название лекарственного препара-

бище», отрывок из которого Бернс использовал в качестве эпиграфа к «Субботнему вечеру поселянина». (Прим. пер.)

та на основе амфетамина.

В «Илиаде» Гомера описывается Троянская война и убийство Гектора Ахиллесом. **«Дополнительными хвостами для терзавшей мою спину кошки»** – намек на кошку-девятихвостку, веревочную плетть с девятью хвостами, завязанными в узлы на концах, которая в прошлом использовалась для наказаний (Гэллинджер, скорее всего, говорит о ней в переносном смысле, а не в прямом, потому что позднее он утверждает, что его отец не опускался до телесных наказаний.) **Катафалк** – платформа, на которой переносится или лежит мертвое тело. Нью-йоркский район **Гринвич-Виллидж** играл важную роль в развитии фолк-музыки 60-х (Дилан, Саймон и Гарфанкел, Peter, Paul and Mary и т. д.); именно там Железны встретил свою первую невесту, фолк-певицу Хеди Уэст. **У. Х. Оден** был одним из любимейших поэтов Железны. **Ямб** – стихотворный размер, в котором чередуются короткие (безударные) и длинные (ударные) слоги.

«Я – смельчак, хоть и чужой...» – отсылка к «Последним стихам» А. Э. Хаусмана и строкам «Я, смятенный и чужой // В мире, созданном не мной», которые Гэллинджер переиначивает, превращая в похвальбу. **«Эта земля»** – скорее всего, отсылка к стихотворению Эмили Дикинсон «Эта земля – закатом омыта». **Recherches** в переводе с французского означает «изыскания». **Эдгар Аллан По** писал стихи и рассказы в жанре ужасов, такие как «Сердце-обличитель».

«Суэта сует» – цитата из книги Екклесиаста. **Жан-Поль Сартр** – экзистенциалист, исследовавший природу человеческой жизни и структуры сознания. **Другой** – философская категория, связанная с тем, как сознание осмысляет существование других сознаний. **Перифраз** – использование не прямых, описательных обозначений в речи или на письме.

Генри Хэвлок Эллис – британский врач и психолог-сексолог, в чьей книге «Танец жизни» говорится, что танец и архитектура – два базовых и важнейших вида искусства. Согласно Эллису, танец есть источник всех видов искусства, которые получают свое воплощение во внутреннем мире человека, и он появился первым; архитектура – источник всех видов искусства, которые существуют во внешнем мире.

Сари – одежда индийских женщин, длинный отрезок хлопковой или шелковой ткани, обернутый вокруг тела. **Этрусский фриз** – архитектурное украшение в виде горизонтальной полосы на стене под потолком, украшенной скульптурным или рисованным изображением. Этрусская цивилизация достигла пика своего развития в районе 500 года до н. э. **Сямисэн** – японский трехструнный музыкальный инструмент, на котором играют с помощью плектра (медиатора), называемого «бати». **Глиссандо** – скольжение от одного звука к другому при игре на музыкальном инструменте. **Сен-Жон Перс** – псевдоним французского поэта, в 1960 году получившего Нобелевскую премию по литературе. **Девадаси** или «служанки бога» – в индуизме девочки, «посвя-

щенные» божеству или храму и учившиеся священному танцу бхаратнатьям. **Рамаджани** – священные танцоры.

Рамой могут называть одного из трех аватаров Вишну – Балараму, Парашураму или Рамачандру; **Вишну**, или «Хранитель» – второй из богов Тримурти, куда также входят Брахма-Создатель и Шива-Разрушитель. **Сарасвати** – индуистская богиня мудрости и искусства. **Ситар**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.